

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

МАРТИН СОЛАРЕС

ЧЕРНЫЕ МИНУТЫ

Сюжетная линия романа столь увлекательна и непредсказуема, что держит в напряжении до последней страницы.

The New York Times

Мартин Соларес

Черные минуты

«Центрполиграф»

2006

Соларес М.

Черные минуты / М. Соларес — «Центрполиграф», 2006

В мексиканском городе Паракуана зверски убит молодой журналист Бернардо Бланко. Следствие ведет продажный детектив Чавез, и он уже схватил подозреваемого. Но шеф полиции не доволен результатами его работы, он поручает это дело единственному честному детективу городской полиции Рамону Кабрере. Кабрера выясняет, что перед смертью Бланко занимался расследованием серии жутких убийств детей, происшедших много лет назад. Идя по следам журналиста, Кабрера понимает, что он на верном пути, но тут на него начинается охота...

Содержание

Действующие лица	6
Книга первая. Тысяча провалов в памяти	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	34
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	43
Глава 13	44
Глава 14	45
Глава 15	47
Глава 16	48
Глава 17	50
Глава 18	51
Книга вторая. Уравнение	54
Часть первая	54
Глава 1	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мартин Соларес

Черные минуты

THE BLACK MINUTES – Copyright © 2006 by Martin Solares

Edits made to the English version copyright © 2010 by Aura Estrada and John Pluecker

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

Однажды, когда я ехал в автобусе по шоссе, обсаженному по обочинам соснами, мне приснился главный кошмар моей жизни. Я был не в состоянии понять его смысл, по крайней мере до конца.

Была ночь, но я не мог уснуть. Каждый раз, когда я начинал засыпать, фары встречных автомобилей или тряска автобуса будили меня. Но под конец я все-таки заснул, перестав слышать громкое гудение двигателя, и вздрагивать от встречных огней. Мне снился какой-то приятный сон, даже в определенном смысле музыкальный, когда я вдруг ощутил, позади меня сидит некий человек саркастического склада, неплохо меня знающий. Он подождал, пока я привыкну к его присутствию, а после вытянул ноги, наклонился вперед и, дыша мне в шею, спросил: «Не правда ли, что на долю каждого выпадают черные минуты?» Эта мысль напугала меня, и я проснулся, повернул голову – но сзади никого не было. Остаток ночи я пил воду, смотрел на луну и думал, успел ли я исчерпать в своей жизни отпущенное мне количество черных минут.

Вот какая мысль занимала меня, когда мы приехали в Паракуан, штат Тамаулипас.

Действующие лица

Полиция Паракуана

Роза Исела – красивая девушка, сотрудница соц-службы при Управлении полиции Паракуана;

Камарена и Родриго Колумба – молодые выпускники полицейской академии;

Хоакин Табоада (Траволта) – шеф городской полиции Паракуана;

Рамон Кабрера Макетон (Большой Цветочный Горшок, Волосатик);

Гарсиа – предшественник Табоады;

Лолита – секретарь;

Руфино Чавез (Весельчак) – правая рука Табоады;

Рамирез – криминалист;

Харкуэль (Проф) – полицейский;

Вонг (Китаец) – полицейский;

Салим (Бедуино) – полицейский;

Жозайа (Евангелист) – полицейский;

Хосе Тиролоко (Бешеный Пес) – полицейский;

Мена Гордолобо (Толстый Волк) – полицейский;

Луис Калатрава (Колдун) – постовой;

Доктор Ридуара – медэксперт, профессор биологии;

Винсенте Ранхель Гонсалес – детектив;

Хорхе Ромеро (Сиго) – помощник Ранхеля;

Эмилио Ньюто (Чикоте) – тюремный надзиратель, секретарь, мойщик машин, курьер;

Круз Тревино – полицейский.

Местные жители

Бернардо Бланко – молодой журналист;

Дон Рубен Бланко – отец Бернардо;

Джонни Гурреро – репортер «Меркурио»;

Чиланья – фотограф;

Рене Луис де Диос Лопес – заключенный, отбывающий срок за убийство четырех девочек;

Фриц Шанц – иезуитский священник;

Его святейшество епископ Паракуанский;

Джон Уильямс – влиятельный бизнесмен, владелец «Рефрескос де Кола»;

Джон Уильямс-младший, Джек;

Тобиас Вулфер – местный конгрессмен;

Родриго Мотойа – директор городского архива;

Луисио Ривас – менеджер бара «Леон»;

Рауль Силва Сантакруз – свидетель;

Хуан (Чимуэль) и Хорхе (Чапарро) – мясники;

Лобина – рыбак;

Дон Исаак Кляйн – владелец ресторана;

Профета – продавец мороженого;

Лусиа Эрнандес Кампилло, Инесс Гомес Лобато, Карла Севаллос, Юлия Консепсьон Гонсалес, Даниэла Торрес – жертвы Шакала.

Посетители

Лейтенант Мигель Ривера Гонсалес – легендарный полицейский;
Б. Травен Торсван – писатель;
Доктор Альфонсо Куроз Куарон – всемирно известный криминалист;
Риго Товар – певец;
Кормак Маккормик – бывший детектив ФБР;
Альбино – криминальный фотограф.

Наркаторговцы

Чинкуалилло – крупный дилер;
Кончилоко – босс Колумбийского наркокартеля;
Чато Рамбаль – босс Портового картеля;
Вивар – юрист Паракуанского картеля;
Сеньор Обригон – босс Паракуанского картеля.

Политики

Эчеверриа – президент Мексики;
Хуан Хосе Чуррука – министр в правительстве штата Тамаулипас;
Хосе Пепе Топете – влиятельный политик;
Даниэль Торрес Сабинас – мэр Паракуана в конце семидесятых;
Агустин Барбоса – мэр Сьюидад-Мадеры, оппозиционер;
Эдельмиро Моралес – лидер профсоюза учителей в штате Тамаулипас.

Захватчики

Сотрудники Службы безопасности президента.

Книга первая. Тысяча провалов в памяти

Глава 1

С первого взгляда попутчик показался ему мальчишкой лет двадцати, но он ошибался. Тот, в свою очередь, поглядев на загорелого мужчину в клетчатой рубашке, по виду рабочего фермы, мысленно дал ему пятьдесят – и угадал. Их путь лежал на юг. Молодой журналист ехал из США, где бросил работу, сосед возвращался домой, закончив какие-то дела на севере штата. О деталях он не говорил.

Жара стояла невыносимая. От духоты в салоне автобуса было не продохнуть. После Рио-Муэрто их некоторое время сопровождали два военных джипа. В Дос-Крусез мимо проехал пикап с судейскими, а у Сес-Мариас их остановили для проверки перед въездом в Восьмую военную зону. Солдат махнул фонарем, приказывая водителю тормозить. При свете мощного прожектора автобус съехал на грунтовую дорогу и остановился между двумя стенами, сложенными из мешков с песком. На другой стороне шоссе был устроен большой навес, где помещались радары, а немного поодаль три дюжины военных делали разминку.

Во время досмотра журналист включил верхний свет и стал читать книгу, которую захватил с собой, – «Духовные упражнения» святого Игнатия Лойолы, но не прошло и пары минут, как ему отчего-то стало сильно не по себе. Он бросил чтение и повернулся к окну. Там, под насыпью, среди пальмовых зарослей тянулась траншея, откуда на него с ненавистью смотрели двое солдат. Все бы ничего, если бы не их тяжелые пулеметы, нацеленные прямо ему в лоб. Он поежился, а сосед заметил, что если бы ему пришлось сидеть ночью в траншее, при стоградусной жаре, среди москитов, скорчившись за мешками с песком, то он тоже бы всех вокруг возненавидел.

Проверка завершилась. Запрещенных к провозу предметов в автобусе не нашли. Пока сержант, производивший досмотр, нехотя рылся среди их вещей, молодой человек достал два йогурта и протянул один соседу. А тот поделился с ним пемолес – печеньем из кукурузы, которое готовят в регионе Ла-Хуастека, и поинтересовался, не студент ли он. Вчерашний, ответил журналист, поясняя, что уже успел поработать репортером в газете «Сан-Антонио геральд», а когда надоело, решил съездить и пожить с годик в порту, а там, возможно, вернется в Техас. И вынул фотографию длинноволосой блондинки. Красивая, одобрил сосед и добавил, не стоило бросать работу. Журналист буркнул, что на то имелись причины, и огляделся вокруг. Все пассажиры показались ему дикими, невоспитанными типами. У соседа, например, под клетчатой рубашкой топорщился пистолет. Человек через проход всю дорогу не переставая курил, держа на коленях мачете, обернутый в газету. Но самый отвратительный тип сидел сзади – огромный усатый здоровяк, пожирающий апельсины прямо в кожуре.

Журналист все еще озирался по сторонам, когда началась вторая проверка. Увидав на шоссе несколько военных пикапов, он отчего-то сразу понял, что эти не будут церемониться, но реальность намного превзошла его ожидания. Их остановил офицер-усач, похожий на моржа, который отделился от толпы коллег и поднял руку с зажатым в ней служебным жетоном и пистолетом. Все они были в черных очках, хотя еще не рассвело, и черной форме, несмотря на жару, и вскоре стало ясно, что за исключением двух белых букв на рубашках, означающих ведомство генерального прокурора, все остальное у этих людей черное – как снаружи, так и внутри. Они стояли, привалившись к машинам, и тянули пиво. Их позы очень не понравились молодому человеку.

В автобус влезли двое сыскарей. Толстый офицер в сопровождении тощего солдата с автоматом Калашникова. С виду они были не старше его, второй, кажется, еще не начал

бриться. Оба, похоже, новички на границе. Наверное, это их первый автобус. Толстяк простер вперед руку с жетоном, будто благословляя их, и велел всем оставаться на своих местах, как обычно во время таможенного досмотра. Тут он соврал – досмотр был не совсем обычный.

Сначала пограничник прошел между двумя рядами кресел, с удивлением оглядывая пассажиров, будто увидел среди них много разыскиваемых преступников. И если бы не врожденная трусость, он арестовал бы всех разом. Затем в салон запустили немецкую овчарку, которая принялась обнюхивать пассажиров по одному. При ее появлении на задних сиденьях завозились. Курильщик наверняка прятал мачете, и усатый великан швырнул что-то в окно. Напрасный труд – обмануть такую умную собаку им бы все равно не удалось. И вот, добравшись до конца автобуса, овчарка как вкопанная остановилась перед молодым человеком, читавшим «Духовные упражнения».

– Выходи! – тут же рявкнул толстяк, беря его на мушку.

Его вытолкали из автобуса и подвергли унижительному обыску, осыпая при этом отборными ругательствами, будто он главарь наркокартеля – ни больше ни меньше. Когда молодой человек сказал, что он журналист, его заставили снять пиджак – ишь ты цаца! – и снова обшарили с ног до головы, ища наркотики. Они вывернули на стол его чемодан, и толстяк принялся копаться в его пожитках. Ему явно понравился диктофон и кое-что из одежды, но больше прочего – очки от солнца. И хотя молодой человек уверял, что у него болезнь глаз и носить очки ему прописано врачом, офицер молча сунул очки в карман. Сопляк с автоматом выругался:

– Модник, мать твою, – и плюнул ему на туфли. Остальные заржали.

– Ага, – воскликнул пузатый офицер, – вот оно!

И потряс в воздухе сигаретой с марихуаной, якобы найденной в чемодане. Сосед наблюдал за происходящим из автобуса, качая головой.

– Это не моя сигарета, – возмутился журналист, – вы мне ее подбросили!

– Как бы не так, – фыркнул толстяк.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не рабочий. Видя, что дело плохо, он решил вмешаться. Выйдя из автобуса, он направился прямо к старшему офицеру, который пил пиво, лениво облокотившись на капот своей машины.

– Макетон, что ты тут забыл, сукин сын? – спросил тот, выпрямляясь.

– Круз, дался тебе этот молокосос. Чего ты к нему прикопался?

– Что? Где ты видишь молокососа? Он уже достаточно взрослый, чтобы голосовать.

– Он едет со мной.

Недоверчиво пробурчав что-то себе под нос, офицер крикнул, обращаясь к молодому человеку:

– Эй, ты зачем едешь в Паракуан?!

– А? Что?

– Зачем тебе в Паракуан, говорю.

– Хочу там поселиться.

– Дуй отсюда!

Все его вещи, кроме пиджака и очков, сунули обратно в чемодан. Он потянулся было за очками, но солдат с автоматом оттолкнул его:

– Иди-иди, не задерживайся, а то на автобус опоздаешь.

Автобус тронулся, и они увидели, как толстяк надевает его очки, а другой офицер примеряет пиджак. К тому же из бумажника исчезла тысяча песо.

– Это вы еще дешево отделались, – заметил рабочий. – Сегодня явно ваш день. Хорошо, что тут был Круз Тревино из судебной полиции, я давно его знаю.

Журналист кивнул, сжимая челюсти.

У реки перед въездом в город их приветствовали два гигантских рекламных щита. Один от «Рефрескос де Кола», а на втором был изображен президент, радушно распростерший объ-

ятия. Он сам и слоганы его избирательной кампании были в нескольких местах прострелены, особенно пострадали слова «Лучшая жизнь для вашей семьи». Автобус въехал на мост, и журналист стал с таким интересом рассматривать воду, маленькие лодки и катера, шеи кранов в грузовом порту, будто раньше ничего подобного не видел.

Вскоре они прибыли на автостанцию и купили билеты на такси. Пока ждали своей очереди, рабочий поучал молодого человека:

– Имейте в виду: травку лучше перевозить в бутылках из-под шампуня. В кофейные банки не кладите, их вскрывают прежде всего.

Молодой человек повторил, что наркотики подбросили ему полицейские, а сам он не курит даже табак, и добавил, что хотел бы отблагодарить попутчика за свое спасение. В ответ тот, помешкав, неловко протянул ему визитную карточку. «Агент Рамон Кабрера», – с изумлением прочел на визитке журналист. Тут как раз подъехало такси, Рамон Кабрера настоял, чтобы его новый знакомый ехал первым. Когда машина скрылась из вида, он заметил лежащую на земле фотографию блондинки. Похоже, мальчишка обронил ее, когда покупал билет. Кабрера подобрал фотографию и, сам не зная зачем, сунул в бумажник. Он был уверен, что видит парня в первый и последний раз в жизни. И снова ошибся.

Глава 2

Для агента Кабреры все началось в понедельник пятнадцатого. С утра у шефа Табоады состоялся разговор с его заместителем – агентом Чавезом. По словам секретаря, они поспорили, и Чавез даже вспыхнул. Потом, раздвинув темные шторы, шеф посмотрел сквозь стекло в общий зал. Среди присутствующих он увидел единственного, на его взгляд, из подчиненных, кому еще можно было доверять, – Рамона Кабреру Макетона. Кабрера болтал с девчонками из социальной службы, когда ему сообщили, что его срочно вызывает шеф. В дверях он столкнулся с Чавезом, который больно двинул его плечом, подлец. Кабрере, однако, хватило выдержки сделать вид, что ничего не произошло. Он вообще отличался спокойным нравом. Доложив боссу о своем прибытии, он услышал:

– Бросай все дела и займись убийством на Калле-Палма.

Босс имел в виду убийство журналиста, произошедшее в воскресенье. Несколько часов спустя агент Чавез по горячим следам задержал Чинкуалилло – дилера в Паракуанском картеле. Было собрано достаточно улик, чтобы запереть его в тюрьму на пятнадцать лет. По мнению Чавеза, убийца действовал в одиночку, и в качестве мотива выступало ограбление. Но шеф остался недоволен.

– Я должен знать, что делал убитый в течение последних дней. Где он был, с кем встречался и чем интересовался. Если он что-то написал, я хочу это прочитать. Мне интересно, какие у него были планы.

Поскольку этим делом уже занимался Чавез, приказ шефа показался Кабрере более чем странным. Это было явное нарушение профессиональной этики.

– А почему я, а не Чавез?

– Возьми это на себя.

– Но у меня и без того много работы, – помолчав, ответил Кабрера.

– Пусть тебе помогут новые ребята.

Кабрера покачал головой. Нет, он сам. Он обойдется без новичков.

– Да, кое-что еще, – добавил шеф, – навести отца убитого, дон Рубена Бланко, и сходить на похороны. Это очень важно. Не забудь сказать, что ты от меня. Прощание состоится в похоронном бюро Галф-парлор, но торопись – в двенадцать его уже будут хоронить. Пиджак у тебя есть?

– С собой нет.

– Пусть тебе кто-нибудь одолжит. Ты должен выглядеть прилично.

– Что-нибудь еще?

– Да, секретность. Никому не рассказывай, что расследуешь это убийство.

Вернувшись к своему столу, Кабрера попросил девушек из социальной службы принести ему заключение о вскрытии. Девушки откровенно страдали от безделья и наперегонки бросились выполнять его просьбу. Всех опередила Роза Исела. Отдав ему заключение, она облокотилась о стол и долго не спускала с него зеленых глаз. Кабрера, польщенный, улыбался, пока она не призналась, что он напоминает ей ее отца. Ей было двадцать с небольшим. Заметив, что детектив помрачнел, Роза поспешила загладить свою оплошность.

– А у меня для вас подарок, – сказала она с улыбкой и протянула ему записную книжку.

– Зачем это мне?

– Чтобы вы выбросили свою старую.

Записная книжка Кабреры и впрямь была не раз исписана от корки до корки, но он все продолжал писать в ней поверх старых каракулей, так что она представляла собой настоящий палимпсест¹.

– Gracias, amiga². Ты не сделаешь мне кофе?

И вскоре самое темное из его желаний было исполнено – на столе дымилась чашка его любимого напитка. Надо заметить, что Кабрера приносил из дома собственный кофе, презирая пойло, вытекающее из местного автомата. Десять минут спустя поболтать с девушками пришел Камарена – его подчиненный. Камарена был высокий веселый парень, любимчик женщин. Сегодня у него на лице красовались три отпечатка губной помады – и не исключено, что один оставила Роза Исела.

Камарена налил себе кофе без кофеина и ушел. Кабрера никогда не понимал, как можно любить такой кофе – при наличии мозгов, которым требуется постоянная подпитка. День выдался жаркий и сумрачный. Наверное, из-за жары ему никак не удавалось сосредоточиться. Он сидел, безуспешно пытаясь вникнуть в отчет, когда подошел еще один новенький и спросил:

– А где тут подсобка?

Парень был в темных очках, хотя должен был знать, что у них запрещено носить в помещении солнцезащитные очки, а являться в них к старшему – и вовсе признак неуважения.

– Что ты там забыл? – неласково поинтересовался Кабрера.

– Ничего. – Парень сдвинул очки на кончик носа. – Меня послали за шваброй, а то кофеварка протекает.

– Возьми в шкафу в конце коридора. В подсобке тебе нечего делать, понятно?

Так, у него в машине подтекает масло, из кофеварки течет вода, что-то будет дальше? Неужели начнутся проблемы с простатой, как предупреждал врач? Наверное, в его возрасте следует пить меньше кофе и больше чистой воды. Но это решительно невозможно. Он с тоской представил себе мир, где нет кофеина, – такой же черный и безрадостный, как открытый космос. Нет, это не жизнь. Впрочем, агент Кабрера недолго предавался праздному унынию. Вскоре он заставил себя встряхнуться и заняться наконец делом.

Итак, в отчете говорилось, что журналисту перерезали горло от уха до уха, а затем сквозь прорез протасили язык – получился так называемый колумбийский галстук, явно указывающий на происхождение убийц. С тех пор как в порту утвердился Колумбийский картель, такие случаи стали происходить все чаще. «Боже, – подумал Кабрера, чувствуя жжение под ложечкой, – во что я вляпался?» Когда он дочитал до конца, в желудке снова стало горячо – верный знак того, что ему не стоит браться за это расследование. Но чувство долга, конечно, взяло верх над страхом, и он отправился к Рамирезу.

Во всем управлении полиции был единственный человек, способный одолжить Кабрере пиджак по размеру, и это был криминалист Рамирез. Нет, Кабрера не был толстый, просто очень широк в плечах, а вот Рамирез...

Известно, что люди за сорок должны непременно иметь очень серьезное увлечение, иначе их увлечением станет обжорство. По крайней мере, у них в порту дело обстояло именно так. Так вот Рамирез относился ко второй категории. У него был не двойной, а тройной подбородок, а живот вываливался за ремень. Кабрера вошел, поздоровался и увидел молодого человека в очках, который печатал на компьютере за столом поодаль.

– Кто это? – спросил он Рамиреза.

– Мой ассистент, Родриго Колумба.

¹ Палимпсест – древняя рукопись, обычно пергаментная, с которой стерт первоначальный текст и на его листе написан новый.

² Спасибо, дорогая (*исп.*).

Рамирез понятия не имел, что шеф хочет от Кабреры. В доме журналиста не нашли ни единой статьи, ни заметки, ни черновика. Только блокнот, не представляющий никакой ценности для следствия.

– Можно взглянуть?

– Можно, но только осторожно.

– Да знаю... – Однажды Кабрера, осматривая место преступления, ухитрился залапать вещдоки, и после этого случая каждый считал своим долгом напомнить ему об осторожности.

Он надел перчатки, взял пинцет и открыл конверт, который протянул ему Рамирез. Там лежал блокнот в черной обложке, на первый взгляд ничем не примечательный – две или три даты, стихотворение, посвященное Хилитле, и имя – Винсенте Ранхель.

Он прочел стихотворение, показавшееся ему ужасным, и вновь ощутил приступ гастрита. Странно, что же это за журналист, если он ничего не пишет? Интересно, кто такой этот Винсенте Ранхель? Он знал человека с таким именем, но тот давно погиб. По крайней мере, так принято было считать.

Воспользовавшись тем, что Рамирез отвернулся, Кабрера быстро вырвал единственный исписанный листок и сунул его в карман – на глазах изумленного ассистента. Присваивать тайком вещдоки ему было не впервой.

– А где его компьютер? – спросил он толстого Рамиреза.

– Компьютер? У нас. Мы пока не можем войти в систему, требуется разгадать пароль.

– Подключи программистов.

– Колумба – программист. Он как раз этим и занимается.

Молодой человек с улыбкой посмотрел на Кабреру, но тот предпочел отвести взгляд.

– Вы нашли какие-нибудь кассеты?

– Аудиокассеты? Нет.

– Нет, не аудио. Кассеты, где хранят информацию.

– Это называется «дискеты», – сказал Рамирез, – или CD. – Порывшись в пакете с вещдоками, он вынул дискету и протянул ее Кабрере. – Вот что мы нашли. Пусть Колумба тебе поможет.

Когда молодой человек в очках вставил дискету в компьютер, на экране появилось лишь пустое окно.

– На ней ничего нет, – сказал он. – Хотя, возможно, она просто не отформатирована для РС. Если хотите, я могу позже попробовать на Маке.

Кабрера лишь застонал.

– Распечатайте мне все, что найдете, если найдете. И наденьте перчатки, а не то с вами будет то же, что и со мной.

– Эй, а почему ты занимаешься этим делом, а не Чавез? – запоздало удивился Рамирез.

Кабрера не ответил, а поманил его в коридор.

– Это приказ шефа, – пояснил он вполголоса, когда они вышли из кабинета.

Рамирез глубоко вздохнул:

– На твоём месте я бы отказался. Дело это странное.

– Почему? Что ты о нём слышал?

– Неужели тебе не приходило в голову, что шеф тебя использует?

– Что ты имеешь в виду?

В этот момент подошел коллега, которому требовалась помощь Рамиреза, и разговор пришлось прервать.

– Мы потом поговорим, идет? Сейчас у меня много работы.

Глава 3

Подойдя к машине, Кабрера заметил, что одно заднее колесо спустило. А еще у него разболелась голова. Он взмок от пота, потому что солнце уже поднялось высоко и жара стояла невыносимая. Он не знал, связаны ли эти явления между собой, но понимал, что если он остановится, чтобы починить камеру, то на похороны точно опоздает.

По счастью, автомастерская находилась в двух кварталах. Кабрера договорился с менеджером, оставил ему ключи и вышел на улицу ловить такси. Но не тут-то было – такси, похоже, в городе перевелись. Прождав минут десять, он собрался идти пешком, чтобы не тратить время зря, но потом передумал. У него возникла пара идей, хотя пока довольно смутных, и он решил подождать еще немного.

Наконец подъехало такси – старая скрипучая развалина с блестящим диско-шаром на заднем стекле. Он велел водителю ехать на Калле-Палма, чтобы кое-что разузнать. Методичность, свойственная Кабрере от природы, заставляла его действовать последовательно: прочитал отчет о вскрытии – осмотри место преступления. Водитель с гладкими и блестящими от вазелина волосами был в черных очках и рубашке-милитари защитного цвета. Кабрера мысленно отметил, что сейчас каждый второй норовит одеться как солдат. Вот мода пошла!

Вначале адрес Калле-Палма, 10 показался ему незнакомым. И вдруг он вспомнил... Какая сволочь посмела пришить человека в этом месте? Давным-давно, лет двадцать тому назад, на Калле-Палма стояло всего несколько домов, два или три на квартал. Дренажная система работала плохо, электричество часто отключали, и асфальт заканчивался прямо за домом номер 10.

Кабрера, страстный автолюбитель, приезжал сюда в сумерках – один или с подругой. Это было чудо, это было счастье. Он ощутил острый приступ ностальгии, вспоминая, как проводил время с девчонками. Когда же он последний раз бывал на лагуне? Да, все переменялось. Теперь здесь богатый район, роскошные дворцы, за которыми и моря не разглядеть. Если бы не расследование, он бы ни за что сюда не вернулся.

Тело журналиста обнаружили на пороге скромного домика, зажатого между двумя шикарными особняками. Фасад был огорожен полосатой полицейской лентой, у двери мелом очертили контуры тела. Вроде бы все как обычно, но наметанный глаз Кабреры сразу заметил неладное.

Попросив таксиста подождать, он вышел из машины. Пятна крови на земле подтвердили его худшие опасения. Небрежность, с которой полицейские очертили тело, оставляла мало надежд на то, что преступников удастся отыскать. Похоже, убийство произошло в доме, а затем тело вышвырнули за порог, хотя в отчете об этом не упоминалось.

Боже, во что он влип? Может быть, еще не поздно отказаться? Кабрера со злости пнул ногой ближайший цветочный горшок – тот упал и разбился. Таксист спросил, готов ли он ехать.

– Подождите! – крикнул Кабрера и пошел взглянуть, что делается за домом и нельзя ли оттуда попасть внутрь.

В дальнем конце сада, выходящего к лагуне, стоял огромный бульдозер. Там, где раньше росли деревья, теперь протянулась толстая газовая труба. Рядом торчал предостерегающий знак «Не копать» с костями и черепом.

Позади трижды нетерпеливо прогудело такси.

– Сейчас, сейчас! – крикнул Кабрера, выглядывая из-за угла. – Что за спешка, маэстро? Я ведь плачу!

Таксист возвел глаза к небу, словно в молитве, и переключил радио на канал «Музыка тропиков». Соседская горничная щеткой с мыльной водой терла асфальт, удаляя кровь, попавшую туда от дома номер 10. При появлении Кабреры она испуганно засуежилась.

Он хотел спросить, не видела ли она или ее хозяева чего-нибудь подозрительного, а горничная наверняка подумала, что он хочет ее убить, и схватила вещи, чтобы быстрее юркнуть в дом. Не помог даже полицейский жетон, предъявленный Кабрерой. В ответ на его вопросы девушка лишь молча таращила глаза. Видя, что из нее и слова не вытянуть, он попросился и сел в такси.

Когда машина отъехала, она снова принялась смывать с асфальта кровь молодого журналиста. Вскоре от нее не останется и следа. Кабрера оглянулся, посмотрел, как горничная орудует щеткой и покачивается на ветру светофор, а потом все скрылось за поворотом.

Глава 4

– Куда, босс?

Кабрера взглянул на часы и велел таксисту ехать в похоронный дом Галф-парлор.

– Вам нужно большое здание или то, что поменьше?

– Главное здание. И поторапливайтесь, я уже опаздываю.

Они двигались по главной авеню по направлению к центру. В районе госпиталя их колымага обогнала пикап с тонированными стеклами, занимавший сразу две полосы. К удивлению Кабреры, после краткой гонки такси ушло в отрыв.

– Послушайте, – сказал таксист, – в том доме убили человека? Газетчика какого-то, который там жил?

– Верно.

– Выходит, это не просто слухи?

– Какие слухи?

– Ну что он был дилер и друг Курносого Рамбала.

Не успел Кабрера ответить, как пикап, резко выскочив вперед, остановился на середине дороги, преградив им путь. Таксист дал по тормозам. Сначала в открывшейся двери пикапа показался тяжелый ботинок с металлическими шипами. Кабрера мгновенно представил себе разъяренного громилу, который сейчас вывалится из машины, но, к его удивлению, из машины выскочил какой-то маломерок. Лишь благодаря ботинкам на толстой подошве он казался выше. На вид ему было не больше двенадцати лет, но наглостью он мог сравниться с главарем наркокартеля. Малец был в блестящей кожаной куртке и с пистолетом за поясом.

Вначале Кабрера не понял, что нужно этому типу, но потом догадался, что его взбесил обгон.

– Значит, ты спешишь, сукин ты сын, торопишься, да? – визжал он, обращаясь к водителю. – Я сейчас пришью тебя, гад, и ты, считай, приехал. Больше тебе некуда торопиться!

Затем он увидел Кабреру.

– Ага, еще один урод! Это тебе, что ли, некогда?

Парнишке, наверное, никто не объяснил, что, если не умеешь молчать, долго не проживешь. Особенно у них в городе. На его счастье, Кабрера был пацифистом. Он ответил, дружески улыбаясь:

– Ничего страшного не произошло. Просто я опаздываю на похороны.

– Прогуляешься пешком, – заявил наглец. – Вылезай!

Он распахнул куртку, чтобы они видели его пистолет. Кабрера мысленно вздохнул. Этот псих, конечно, не мог выбрать другую машину, из всех людей на дороге он должен был прицепиться именно к нему, законопослушному гражданину, честно выполняющему свой долг. Пока Кабрера выходил, тот ударил таксиста по щеке. В ответ рассерженный Кабрера своей пощечиной едва не снес щенку голову.

– Да пошел ты! Отвали!

– Сам отвали. Веди себя прилично, скотина, а не то я грабли твои пообрываю.

Парень выхватил пистолет. Одной рукой Кабрера вывернул ему запястье, а второй отнял пушку. Пистолет был высокого класса, с золотыми пластинами и инициалами «С. О.».

Мерзавец изворачивался и брыкался, пытаясь вырваться. Пришлось отвесить ему вторую оплеуху.

– Я сказал, успокойся. У тебя есть разрешение на ношение оружия?

– Это не мой пистолет, отцовский.

– Если у тебя нет разрешения, то пистолет я конфискую. Передай отцу, чтобы пришел за ним в полицию.

– А мой отец – друг начальника полиции, – рассмеялся мальчишка.

– Ну, значит, пусть зайдет, поздоровается с другом, а за пушкой придет ко мне. Теперь проваливай, клоун. А если опять вздумаешь чудить, я все расскажу твоему папаше.

Подлец, красный от злости, с притворной учтивостью поинтересовался:

– Как ему вас найти, сеньор?

– Пусть спросит агента Рамона Кабрера, – ответил Кабрера и тут же спохватился, поняв, что сболтнул лишнего. Но было поздно.

– Хорошо, сеньор, я запомню.

– Да-да, вали отсюда. – Кабрера сунул пистолет в карман.

Парень прыгнул в свой пикап и дал по газам. Взвизгнули шины. Однако, проехав пару сотен футов, он отчего-то свернул к тротуару и остановился.

– О боже, он нас ждет, – испугался таксист.

– Вы его знаете?

– Я несколько раз видел его возле клубов. Кажется, он сын Кончилоко.

– Возможно, – задумчиво пробормотал Кабрера.

Он предложил водителю ехать за парнем, но тот отказался наотрез:

– Ни за что, сэр! Я отвезу вас на похороны и точка. Я не хочу, чтобы этот бандит запомнил меня и начал мстить. Они убивают за любой пустяк.

– Что ж, хорошо, – согласился Кабрера, хотя эта идея ему совсем не нравилась. Одно дело – избегать насилия, а другое дело – позволять дилерам делать все, что им вздумается.

Проезжая мимо пикапа, они услышали, как взревел двигатель, но машина не тронулась с места.

Глава 5

Как бы широкоплеч ни был Кабрера, огромный голубой пиджак Рамиреза висел на нем мешком. И когда он появился, все вытаращились на этот пиджак и пеструю рубашку. В это время отец убитого, Рубен Бланко, беседовал с тремя джентльменами почтенного возраста. Рядом на диване сидели мать и заплаканные сестры. В другом конце зала стоял гроб, и четверо друзей несли почетный караул.

Кивнув родителям, Кабрера направился к гробу, чтобы отдать дань уважения покойному, но на самом деле – чтобы воочию увидеть жертву преступления. Тут-то он его и опознал. Что за черт, не может быть! В гробу лежал парень из автобуса, который дал ему йогурт! Что с ним стряслось?

Рана на шее была прикрыта шарфом, но то, что он увидел, возбуждало подозрения. Это не похоже на колумбийский галстук. Либо рука убийцы дрогнула, либо он не имел достаточного опыта в таких делах, о чем говорил рваный край разреза. «Бедный мальчик, – думал Кабрера, – чем он провинился, за что его так?» По сведениям Чавеза, журналист застал в доме Чинкуалилло, который проник туда с целью кражи. Да чушь собачья. Зачем члену Паракуанского картеля грабить дома? Можно подумать, они бедствуют! Да на их дневной заработок от продажи наркотиков обычный человек мог бы прожить целых полгода, не работая!

– Сукины дети, – пробормотал кто-то у него за спиной, – убили безоружного мальчишку.

Кабрера чувствовал, что все смотрят на него, словно ждут помощи. Ах, если бы он мог помочь! Кабрера со вздохом отошел от гроба и направился к дону Рубену. Принеся ему соболезнования от имени шефа Табоады, Кабрера спросил, нельзя ли им поговорить с глазу на глаз.

– Минуточку, – ответил тот, укоризненно качая головой.

Кабрере не понравился его тон, но он понимал, каково сейчас дону Рубену и что обижаться на него глупо. Он просто вышел и стал ждать в конце коридора. Там стоял автомат по продаже кофе – конечно, неисправный, – что делало ожидание совершенно невыносимым. От скуки Кабрера вынул конфискованный пистолет с инициалами «С. О.» и стал его рассматривать. Вот черт, если это и впрямь пушка Кончилоко, то ему грозят неприятности. Пока он вертел в руках пистолет, мимо прошла женщина потрясающей красоты. Блондинка в черном облегающем платье с пышной кудрявой шевелюрой. Все, кто был в коридоре, провожали ее взглядами. Это была та самая блондинка, фотографию которой Кабрера подобрал на автостанции. Подруга журналиста. Увидев в его руках оружие, она удивленно приоткрыла сочные губы. Кабрера про себя чертыхнулся и сунул пистолет в карман, а она сделала вид, будто ничего не заметила, и проследовала в зал, оставив позади шлейф из цветочного аромата, который заставил агента Кабреру вздрогнуть. О боже, произнес его внутренний голос.

Прошло еще пять минут, а Рубен Бланко все не появлялся. Что ж, ничего странного, если он не торопится. В таких случаях люди винят во всем полицию, ведь если бы полиция хорошо выполняла свою работу, убийств бы не было. В четверть двенадцатого Кабрере надоело ждать, и он спустился в буфет, надеясь найти там настоящий кофе. Ему повезло: в буфете был вполне терпимый «Веракрус». Он как раз расплачивался, когда в кармане завибрировал телефон. Звонила секретарша шефа.

– Кабрера? Ты на похоронах? У меня женщина на другой линии, говорит, что там вертится подозрительный тип с пистолетом.

– Я мигом! Я тут внизу, в вестибюле. – Он бросил чашку на прилавке и побежал наверх. – Пусть опишет его. Как он выглядит? Во что одет?

– Цветная гавайская рубашка и солнечные очки.

– Черт подери, Сандра, да это я! Скажи ей!

Вбегая в зал, он увидел блондинку, говорящую по телефону. Кабрера хитро подмигнул ей, она покраснела. При других обстоятельствах он бы разозлился, но только не сегодня. Да и вообще – трудно злиться на красивых женщин. Ничего страшного не случилось, в такой ситуации все люди излишне нервны и подозрительны, и это понятно. У Кабреры даже промелькнула идея вернуть ей фотографию, но подойти к ней он так и не решился. Зато побеседовал наконец с отцом убитого.

– Если вас послал комиссар Табоада, то вам тут нечего делать, – сразу заявил дон Рубен.

Кабрера пустился объяснять, что он выполняет приказ, и снова выразил ему самые искренние соболезнования.

Дон Рубен посмотрел на него в упор и покачал головой:

– Сколько раз я должен давать показания? Я уже рассказал все, что знаю, агенту Чавезу. Вот так сюрприз! Кабрера впервые об этом слышал. Его никто не предупредил.

– Когда это было?

– Вчера вечером.

Странно. И в отчете нет ни слова о допросе Рубена Бланко.

– Должен повторить, что я не верю, будто убийца моего сына – это арестованный вами человек. У меня есть друзья в правительстве штата, и они начнут новое расследование.

– Я как раз этим и занимаюсь. Я веду новое расследование.

– Что ж, посмотрим, что у вас получится. – С этими словами сеньор Бланко повернулся и направился обратно к жене и дочерям.

Следующие полчаса Кабрера наблюдал парад старинных деловых партнеров и друзей семьи, одноклассников погибшего и подруг его сестер. Среди прочих Кабрера с удивлением заметил нового ассистента Рамиреза.

– А вы тут зачем... – поинтересовался он, пытаясь припомнить его имя, – Риккардо?

– Родриго, Родриго Колумба. Бернардо был моим другом еще со школьных лет.

Они сели в холле, где никто не мог им помешать. Кабрера спросил, близко ли он знал Бернардо Бланко и какого рода материалы тот писал.

– На криминальные темы, – ответил Колумба.

– Неужели его это интересовало? – недоумевал Кабрера. Он производил впечатление человека кроткого и доброго.

– Еще как интересовало, – подтвердил Колумба. – Он изучал полицейские сводки с усердием, с каким иные изучают Библию или «Дон Кихота».

– И он хорошо писал?

– Да, даже получил одну из журналистских премий.

Живя в Штатах, Бернардо купил мотоцикл и коротковолновый приемник, чтобы слушать переговоры полиции Сан-Антонио. Мало-помалу он расшифровывал и запоминал местный полицейский сленг для каждого вида преступлений. Иногда ему удавалось приезжать на место происшествия раньше патрульной машины. Однажды он наблюдал погоню за наркодилером, а другой раз – перестрелку в банке. Прежде чем бросить работу, он видел смерть человека, которому прострелили голову в супермаркете. К приезду парамедиков человек был уже мертв. Бернардо отчитал их за то, что они ехали так долго. В тот день у него до вечера отшибло память. То есть, дав показания полиции, он несколько часов прожил на автомате. Примечательно, что он вернулся на работу, подробно записал свои впечатления, сдал статью редактору и заявил, что увольняется. Выйдя в сумерках на улицу, он словно очнулся.

– Ой, – неожиданно прервал свой рассказ Родриго Колумба, – смотрите, кто идет. Преподобный Фриц Шанц.

Поскольку он был в рясе, все решили, что будет проповедь. Отца Фрица, преподававшего в иезуитской школе, часто можно было встретить у них в полиции. Мало того что проводил беседы и исповеди, порой он выступал в роли переговорщика. Например, когда они готовили

задержание боевика из Паракуанского картеля, они попросили отца Фрица поговорить с бандитом и убедить его сдаться. Таким образом не раз удавалось избежать излишнего кровопролития.

– Он, кажется, ищет вас, – сказал Колумба и не ошибся, потому что отец Фриц делал ему знаки, прося подойти.

Кабрера не слишком обрадовался его вниманию, потому что был с падре в натянутых отношениях. В последнее время тот взял за привычку критиковать работу их отдела, и чем усерднее они работали, тем жестче была его критика. Но отец Фриц сам шагнул к нему и спросил, беря под руку:

– Вы расследуете это дело?

Кабрера кивнул.

– Вот и славно. Зайдите ко мне – у меня остались кое-какие вещи Бернардо. Возможно, они вас заинтересуют.

Кабрера хотел уточнить, какие вещи, но не успел он и рта раскрыть, как к священнику подскочила женщина, которой срочно потребовалось исповедаться. За ней подошла вторая, третья и еще несколько человек, и затем поток посетителей окончательно разделил их. В этот момент произошло первое в череде странных событий, сопровождавших смерть журналиста.

Кабрера, отнесенный к стене, увидел, как толпа расступилась, и в зал вошел епископ. Выразив соболезнования семье Бланко, он повернулся, намереваясь проследовать к гробу, увидел отца Фрица и на мгновение остолбенел. Но затем со свойственной ему решительностью схватил отца Фрица за руку и потащил с собой. Они оба склонились над покойным в молитве, но у Кабреры было впечатление, что епископ отдает иезуиту приказы. Фриц слушал, молча сжимая побелевшие губы. Окончив молитву, епископ осенил крестом покойного, благословил родню, пролив последние капли святой воды на головы немногих счастливых, и поспешно удалился. Отец Фриц не ушел, он остался, чтобы исполнить свой долг исповедника. И теперь стоял, склонив голову, загнанный в угол своей паствой.

Остаток утра прошел очень тяжело, особенно для Кабреры, который не выносил похорон. Со всех сторон он слышал идиотские замечания вроде: «Это судьба, все журналисты так кончают», «Зачем он вернулся, если у него была работа в Сан-Антонио?» и «Ах, если бы он только работал у отца». Настал момент, когда ему стало тошно, и он вышел, чтобы передохнуть и выпить кофе.

Кабрера был из тех детективов, что доверяют первому впечатлению. Как ни крути, а первое впечатление – часто самое правильное. Стоило ему увидеть агента Чавеза, он понял, что его коллега чем-то страшно встревожен, потому что вид имел хмурый и раздраженный. Они с Кабрерой вместе начинали работать в полиции в семидесятых. С тех пор Чавез по прозвищу Весельчак мало изменился, разве что поседел. Он по-прежнему носил широкие галстуки, бакенбарды и гангстерские усы. В свои пятьдесят он был подтянут, точно боксер легчайшего веса, который всю жизнь тренируется и остается в форме. Его сопровождал один из новобранцев – тот самый тип в солнцезащитных очках. Он был, кажется, доволен, что его вывели прогуляться, и пока не догадывался, какой идиот ему достался в поводыри. Кабрера искренне жалел новичков, которые попадали под начало к Чавезу по прозвищу Весельчак, потому что научиться чему-либо у него было невозможно.

Чавез ринулся к Кабрере, как бульдог, готовый вцепиться зубами в жертву:

– Тебя послал Табоада?

– Да, а что?

– Передай ему, что я беру это дело на себя. Тебе здесь нечего делать, можешь уходить.

Мысленно посчитав до десяти, Кабрера постарался ответить как можно более миролюбиво:

– Если тебя не устраивает его назначение, сообщи ему об этом сам, хорошо?

Раздался громкий металлический щелчок, и Кабрера увидел перочинный нож, направленный ему в живот. Он попытался уклониться, но Чавез уже проткнул ему кожу и продолжал вгонять лезвие глубже. Да это же... что это такое? Кабрера нутром почувствовал, что бледнеет. Тут Чавез наконец убрал нож и отступил. Кабрера выдохнул и хотел осмотреть рану, но увидел выходящего из зала отца Фрица. Тот шел, глядя себе под ноги, и его обычно благостное лицо выражало смятение. Кабрера дважды обратился к нему по имени и под конец должен был тронуть его за плечо, чтобы он не прошел мимо.

– Да-да, вещи Бернардо, – пробормотал священник, не поднимая голову, – не беспокойтесь, я сам их выброшу. Это не важно.

– Нет, важно! – возразил Кабрера. – Когда я могу прийти, чтобы забрать их?

Отец Фриц на мгновение задумался.

– Приходите сегодня в пять. А сейчас простите меня, я должен ехать на кладбище.

Кабрера понял, что разговор будет не из приятных. С их последней встречи неприязнь к нему отца Фрица, похоже, только усилилась.

Глава 6

Узнав, что Кабрера без машины, молодой коллега предложил поехать на кладбище вместе. По пути обогнав кортеж, они прибыли первыми, уселись под кладбищенской стеной и стали ждать. Было невыносимо жарко. Две-три пальмы, росшие у стены, почти не давали тени. Рубашка Кабреры насквозь промокла, по спине струился пот.

Белые кладбищенские камни плавали в раскаленном от солнца мареве. Вскоре к ним присоединился толстяк лет пятидесяти, его штаны поддерживали подтяжки. Он уточнил, кого они ждут, и, убедившись, что Бернардо Бланко, сел рядом и спросил, оглядывая Кабреру:

– Рамон Кабрера, если не ошибаюсь? Ведь это вы раскрыли дело о мошенничестве в страховой компании «Галф Иншуранс»?

Кабрера не хотел поддерживать эту тему, но толстяка было не так-то просто спровадить.

– Давно я о вас ничего не слышал, – продолжал он, – с той самой пресс-конференции.

– Хороший полицейский – это такой полицейский, которого не слышно и не видно, – проворчал Кабрера.

Толстяк протянул ему визитную карточку:

– Джонни Гурреро, криминальный репортер газеты «Меркурио». Послушайте, а что вам известно об этом убийстве?

– А почему бы вам самому не поделиться с нами информацией? – вместо ответа, предложил Кабрера. – Вы наверняка осведомлены лучше нашего.

– У меня одни догадки и предположения, – сказал репортер. – Думаю, что это колумбийцы. Они активно выдавливают из бизнеса местных дилеров. Вначале они работали вместе, но потом, когда узнали от них все ходы и выходы, получили контакты в Штатах, решили от них избавиться. Только вместо марихуаны они организовали трафик кокаина. Считаю, что убитому журналисту кто-то слил информацию, которой он собирался воспользоваться для написания статьи. Как вам моя версия?

Кабрера не отвечал, поскольку был целиком сосредоточен на отирании со лба капель соленого пота, обильно выступавшего и каплями сбегавшего на глаза. Не дождавшись реакции, Джонни Гурреро продолжил монолог. Кабрера слушал вполуха, изредка вставляя односложные реплики, пока журналист не произнес нечто, заинтересовавшее его.

– А вы в курсе, что Бернардо Бланко писал накануне гибели? – спросил Кабрера.

– Понятия не имею, что он писал, – пожал плечами репортер. – Это и есть самое главное, верно? Это ключ к разгадке преступления.

Тем временем похоронный кортеж прибыл на кладбище.

– Ага, там отец Фриц. – Гурреро поднялся. – Этот безумный поп меня ненавидит, мне лучше убраться, пока он меня не заметил. – И он пошел прочь, прихрамывая на левую ногу.

– Вы не знаете, кто эта блондинка, которая появилась под конец? – спросил Кабрера у своего молодого коллеги.

– Блондинка? Кристина Гонсалес, подруга Бернардо.

Он рассказал, что с Кристиной журналист познакомился в Сан-Антонио, где они вместе учились в колледже. Потом Бернардо решил вернуться домой, и их отношения прервались.

– А что случилось?

– Не знаю.

«Как странно, – подумал Кабрера. – На его месте я бы никогда не бросил хорошую работу в Сан-Антонио ради того, чтобы вернуться в порт. По крайней мере, ни за что не отказался бы от такой женщины».

– А что еще говорят? – продолжал он расспрашивать Колумбу. – Его правда убили наркодилеры?

– Не думаю, – покачал головой Колумба. – Он был в хороших отношениях с Чато Рамбалем, главой местного картеля, даже пользовался его покровительством. Чато, представьте, нравилась писанина Бернардо, а еще его смелость. Бернардо мне рассказывал, что однажды на рынке на него напали трое грабителей с пушками. Но разглядев его лицо, они мгновенно отстали и ушли, едва ли не извиняясь. Он был под защитой Чато, и ни один дилер не осмелился бы тронуть его.

– Откуда нам знать, как обстояли дела в последнее время? Может быть, он проштрафился, опубликовав материал, который пришелся не по вкусу его покровителю, – предположил Кабрера.

– Это невозможно.

– Почему?

– Потому что Бернардо завязал с работой в газетах. Почти полгода назад.

– Вот как? Отчего же? И чем он занимался все это время? На что жил?

– Не знаю... Наверное, у него имелись сбережения... Признаться, я давно его не видел. А потом узнал, что его убили. Вообще, он был скрытен, имел привычку исчезать и появляться только через несколько недель.

– И вы не знаете, что он писал?

– Нет.

– У него были знакомые с инициалами «С. О.»?

Колумба лишь пожал плечами. Кабрера поднялся, потому что толпа на кладбище зашевелилась, и он хотел посмотреть, что там происходит. Оказывается, что к могиле пробилась крошечная монахиня преклонных лет с гитарой. Когда стали опускать гроб, она запела и заиграла религиозный гимн, положенный на мелодию песни Боба Дилана «Свеча на ветру». Голос был некрасивый, но сильный, и во время припева со словами «Он воскреснет, Он придет, чтобы раздать хлеб бедным» многие плакали, особенно родня Бернардо. Кабрера не был сентиментален, но даже у него стоял ком в горле. Что и говорить, похороны – это событие, способное смягчить душу любого грубияна. Боясь совсем расклеиться, он повернулся к Колумбе и сказал:

– Если бы Бернардо знал заранее, он бы потребовал исполнить другую песню.

– Не уверен. Он любил Боба Дилана и вообще время шестидесятых – семидесятых. От этой музыки он был без ума.

«Ну понятно – герой-романтик, – подумал Кабрера. – Бросил красивую подругу и хорошую стабильную работу в Техасе и приехал сюда писать о местных наркоторговцах. Вот и дописался. Интересно, что у него в действительности было на уме? Теперь уже никогда не узнать».

Мелодия Боба Дилана эхом разносилась по кладбищу. В небе бежали редкие облачка.

– Ох, пора обратно на работу, – пробурчал Кабрера.

Глава 7

Кабрера вышел у автомастерской, где его уже ждал менеджер.

– Пришлось поставить новую крышку, – сообщил он.

– Почему? – удивился Кабрера. – Разве старая так уж плоха?

– Ужасна. Даже с виагрой не катит. Сами посмотрите. – Он продемонстрировал остатки крышки. – Как, скажите, это можно заклеить? Вы с кем-то всерьез не поладили?

Крышка была порезана. Точнее, разрезана по всей ширине.

– Это не порез, это предупреждение, – заметил менеджер.

В ответ желудок Кабреры возмущенно заурчал.

Вернувшись на работу, он сразу отправился к Рамирезу, но Рамирез отбыл на задание. Он сходил еще раз – Рамиреза все не было. Тем временем начал названивать нахальный малолетка, у которого он утром отобрал пистолет.

– Если тебе нужно поменять памперс, то обращайся к своему папочке, – сказал ему Кабрера, но звонки продолжались, и он уже просто бросал трубку.

В половине четвертого он решил пообедать, помня, что на пять у него назначена важная встреча. Вынув из ящика стола потрепанную книгу, Кабрера спустился на парковку (на этот раз все колеса были целы), сел в машину и поехал в ресторан «Фламингос». Там он и застал Рамиреза, забившегося в дальний угол. Кабрера подошел и сел к нему за столик.

– Ага, толстяк, вот ты где! Так что ты мне собирался рассказать?

Рамирез, внимания которого ожидали две порции энчиладас по-швейцарски и тарелка с вяленой говядиной, проглотил слюну, вытер губы салфеткой и вполголоса проговорил:

– Не лезь туда, придурок. Это не дело, а в натуре минное поле.

– Можно подумать, я взялся за него ради удовольствия. Мне его шеф поручил!

– Повторяю: будь я на твоём месте, я бы сделал все, чтобы отвертеться. Это дело Весельчака. Никто в здравом уме не осмелится перейти ему дорогу.

Чавез тоже был здесь. Он сидел поодаль в компании двух новичков, которым втирал что-то, а те слушали и согласно кивали. Кабрере было жаль их, как и прочий молодняк, попадающий в оборот к Чавезу. Вскоре и они пожалеют об этом, но будет поздно.

– Ну так что ты будешь делать? – спросил Рамирез.

Кабрера не ответил. В ресторан проник замызганный мальчишка с кучей рекламных листовок и принялся шнырять между столиками, суя каждому флаерсы. Вскоре добрался и до них. «А вдруг сегодня твой последний день? Проведи его весело в клубе «Чероки мюзик», – прочитал Кабрера на листовке, протянутой мальчишкой. Раньше этот клуб принадлежал известному бандиту, которого они обезвредили, и теперь там просто диско-бар без криминала.

Человек, сидевший за соседним столиком, ушел, оставив на столе выпуск «Меркурио», и Кабрера взял газету. Колонка Джонни Гурреро была на третьей странице. Этот ушлый засранец уже успел тиснуть заметку. Упомянув «прискорбную» кончину Бернардо Бланко, «перспективного молодого журналиста, вернувшегося из Сан-Антонио», Гурреро писал, что Бернардо, по слухам, «неуважительно отозвался о некоторых влиятельных горожанах», и следствие «не исключает», что его смерть явилась результатом попытки шантажа. А также что «опытный сотрудник полиции» ведет параллельное расследование. Нет, ну не скотина ли? Отбросив газету, Кабрера попросил меню, в котором ему ничего не приглянулось, и он заказал только чашку обжигающего черного кофе.

Было без четверти четыре, когда Кабрера вспомнил о назначенной встрече. На парковке он снова проверил все колеса – кажется, порядок. Он сел в машину и поехал в Культурный центр Паракуана, где находилась иезуитская школа. Когда-то Кабрера учился в этой школе. Все

в ней учились, даже Бернардо Бланко! Многие годы иезуитская школа оставалась основным учебным заведением в городе. Обыкновенно в школах при общине многие ученики получают стипендию. Бернардо получал полную стипендию, а Кабрера – половину, потому что для полной ему не хватило отличных оценок. В первом классе его ненадолго исключили за хулиганство, а в остальном воспоминания от школы у него остались самые лучшие: экскурсии на природу, духовные ретриты, споры о социальной справедливости, соревнование по успеваемости и железная дисциплина, укрепляющая моральные устои.

Кабрера знал, что разговор предстоит не из легких. Фриц получил образование в Риме, где изучал теологию и юриспруденцию. По первому назначению он попал в Никарагуа, а затем – благодаря обширным знакомствам в среде либеральных теологов – оказался в Мексике. Но где бы он ни служил, его отличало редкостное рвение в исполнении служебных обязанностей. Сколько Кабрера себя помнил, отец Фриц приходил к ним в полицию, а также в тюрьму с наставлениями и беседами. А еще он помогал вести переговоры. Быть посредником между полицией и преступниками – дело рискованное, и потому, дабы не подвергать опасности иезуитскую братию, было решено переселить Фрица в резиденцию епископа, под круглосуточную охрану. Днем он преподавал в школе – Кабрера знал это наверняка, потому что сам когда-то у него учился.

Глава 8

Свидетельские показания отца Фрица Шанца, иезуитского священника

В тот день после похорон я снова увидел Макетона. Он явился ко мне в кабинет раньше назначенного ему времени.

– Я сказал в пять.

– Я просто закончил немного раньше. Надеюсь, вы не возражаете.

Конечно, я возражал, но не мог в этом признаться. В моем возрасте, в семьдесят пять лет! Обстоятельства вынуждают меня быть постоянно настороже. Поскольку его появление застало меня врасплох, я разволновался и начал механически перекладывать предметы на столе: карандаши, карточки, ручки – словно возводя между нами стену. И тут Макетон прямо-таки ошарашил меня неожиданным ходом. Он вынул книгу и положил ее передо мной на стол. Это были «Духовные упражнения» святого Игнатия Лойолы.

– Я наконец-то прочитал это, – сказал он. – Обсудим?

То есть он предлагал возобновить наш давнишний разговор. Рамон Кабрера едва ли мог когда-либо похвастаться блестящими знаниями. Это я говорю как иезуит, из числа учеников которого вышли шесть конгрессменов левого толка, целый сандинистский батальон, выдающийся журналист и лучший политический колумнист этой страны. На их фоне (да и не только) Макетон Кабрера сильно проигрывает.

Однажды я отчитал Рамона за неверный выбор литературы для чтения, когда он на перемене советовал однокласснице популярный роман, говоря, что это «интересная, но опасная книга». Присмотрев яркую обложку, я подошел и сказал, что он лишь понапрасну тратит время, если читает подобный мусор. Он покраснел, а девочка, как мне показалось, и вовсе едва не лишилась чувств, поскольку у меня была репутация неумолимого садиста, который рад за малейшую провинность тащить ученика к директору. Я тут же вынул из кармана и вручил Кабрере свой экземпляр «Духовных упражнений», который всегда носил с собой. «Вот это и впрямь опасная книга, – сказал я, – ибо на каждой странице читатель рискует быть разоблачен и пристыжен. Когда закончишь, мы поговорим».

Впоследствии, произведя несложные вычисления, я догадался, что под обложкой книги, которую Макетон давал девочке, скрывался эротический роман. Я хотел вызвать его к себе и сделать строгое внушение, но такой возможности мне не представилось. Он стал намеренно избегать меня. В классе забивался на задний ряд и притворялся невидимкой. Это был выпускной класс, и в конце года ученикам вручили аттестаты об окончании школы. И вот, через тридцать лет, Макетон явился, чтобы отдать мне должок.

К сожалению, за день до его прихода я вновь поддался пагубной страсти, которая частенько овладевает мной, – я снова запил. Я пригласил его в школу, а не в резиденцию епископа, где я живу, поскольку накануне конфисковал у учащихся бутылку водки, которую прятал в шкафу с книгами и рассчитывал перед уходом открыть.

Когда явился Кабрера, я как раз собирался приложиться в первый раз за целый день! Но я не мог этого сделать в его присутствии! Более того, водка стояла в шкафу у него за спиной, и я боялся, что он разоблачит меня, поскольку бутылка властно притягивала к себе мой взгляд. Меньше всего мне хотелось, чтобы Кабрера засиделся у меня в кабинете, и потому представьте себе мое разочарование, когда он вынул из кармана «Духовные упражнения» святого Игнатия.

– Ах да... Святой Игнатий... – пробормотал я. – Ну и как тебе?

– Два кошмара, – ответил он.

– Что?

– За время чтения мне приснились два кошмара. Помните, вы сказали, что это опасная книга?

Я сдавленно зарычал. Ученики прощают мне такие выпады, относя их на счет моей эксцентричности.

– Так что же, Кабрера? Чем я могу тебе помочь?

– Я пришел, чтобы забрать вещи покойного.

Твою мать (как выражаются школяры)! Я и забыл, о чем мы договаривались с утра! «Водка до добра не доводит, Фриц», – мысленно напомнил я себе по привычке, приобретенной вследствие пьянства. С тех пор как начал пить, я часто веду внутренние диалоги. Что же ему отдать, чтобы он побыстрее убрался?

Я встал и подошел к полке с книгами и журналами, которая давно грозит обвалиться под их весом, и вынул книгу наугад. Увидав, что это «Трактат по криминологии» доктора Куроза Куарона, я едва не упал – равно от тошноты, головокружения и удивления. Хорошо, что Рамон рассматривал большой портрет Фрейда на стене и не замечал моих трудностей. Тогда я взял с полки вторую книгу – «Черное прошлое» Раберна Фонсеки. Вот незадача: неужели там нет ничего другого, без криминала? Страшно разволновавшись, я вынул сразу три книги – «Хладнокровие» Трумана Капоте, «Судья и его палач» Фридриха Дюрренматта, «Доктор Джекил и мистер Хайд»... Когда на моих глазах происходят подобные совпадения, в которых раскрывается гармония вещей, меня охватывает трепет пред величием божественного промысла. И тут Рамон наконец заметил, что со мной творится неладное.

– Святой отец? Как вы себя чувствуете?

Ничто не раздражает меня более чем жалость, особенно если кому-то вздумается пожалеть меня.

– Да, все в порядке, – через силу ответил я.

Он снова уставился на портрет, а я про себя недоумевал, как Кабрере могли поручить расследование убийства Бернардо Бланко. Благодаря своему острому, пронизательному и пылливому уму молодой Бернардо создавал журналистские шедевры, он был настоящим мастером криминального репортажа, но Макетон... Чего можно ждать от этого примитивного создания?

Но я ошибался.

– И это все? – спросил он.

– В смысле – все?

– Я думал, у вас еще что-то есть.

– Например?

– Ну я не знаю... что-то очень важное... вы же сами сказали...

– Эти книги очень важны. Бернардо их очень ценил, – настаивал я. Мне жуть как хотелось выпить.

– Но насколько я понял, это срочно?

– Еще бы не срочно! – Я обвел рукой кабинет. – Посмотри, какая здесь теснота. Каждый ученик, что приходит ко мне, забывает здесь одну-две книги. В конце концов, у меня не публичная библиотека.

Кабрера нахмурился и подозрительно взглянул на меня – так и Бернардо, бывало, оглядывал лжецов, которых видел насквозь. Похоже, с нашей последней встречи в нем развилась интуиция (думаю, не слишком, но все-таки). На миг я испугался, что он сейчас отбросит все приличия и устроит мне форменный полицейский допрос, но он применил ко мне более изощренную пытку. Он долго болтал о разных пустяках, продлевая мои мучения, чтобы затем перейти к атаке.

– Как приятно вернуться в школу, – говорил он. – Вижу, что она разрослась, открылись новые классы.

– Ну да, народу прибавилось. Видишь ли, новые неграмотные дети рождаются каждый день. Когда ты был тут в последний раз?

– Хм... лет двадцать назад.

– А... ясно. И когда тебе поручили это расследование? – спросил я, боясь, как бы он не ударился в воспоминания.

– Не далее как сегодня утром.

– То есть Весельчак теперь не при делах?

– Вроде того. Кстати, святой отец, на прошлой неделе я видел, как вы с ним разговаривали.

– Это, знаешь ли, мой долг.

– Вы больше не навещаете заключенных в тюрьме?

– Навещаю, а как же. Я по-прежнему тружусь на два лагеря, как распорядился епископ, дабы способствовать прекращению вражды.

Его вопросы насторожили меня. Интересно, насколько он осведомлен о деятельности Бернардо Бланко? Судя по хмурому лицу, ему кое-что известно. Мы оба молчали, и неловкая пауза затягивалась. Что у него на уме? Если он ждет от меня признания, то не дождется. Или нарочно тянет время, чтобы меня помучить? А проклятая бутылка водки в шкафу, словно обольстительная женщина, так и манила меня к себе. Я понимал, что заслужил эту муку, что поделом мне, но от этого не становилось легче.

Тем временем Кабрера уселся поудобнее, показывая, что никуда не торопится. Поскольку он явился ранее назначенного времени, я не успел убрать, и все улики остались на виду. Прежде всего – шахматная доска с неоконченной партией.

– Бернардо был достойным соперником? – спросил он.

– Весьма, но часто терял ферзя, – ответил я, не подумав, и мысленно укорил себя: «Фриц, опять ты сболтнул лишнего! Ты сам загоняешь себя в угол!»

Во взгляде Рамона промелькнуло изумление – наверняка он начинал догадываться о случившемся. Но вместо того чтобы добить меня, как на его месте поступил бы Бернардо, он взглянул на обложку романа Стивенсона и спросил:

– Вы часто виделись, святой отец?

– Нет, не очень, – ответил я и добавил, спеша уйти от этой темы: – Как дела на работе?

– Все по-старому.

– Жаль, что ничего не меняется.

Я стал убирать фигуры в коробку. Позже надо будет протереть их, чтобы не осталось отпечатков пальцев Бернардо. Одна пешка упала на пол. Кабрера подобрал ее и протянул мне.

– Вот, возьмите, святой отец.

– Спасибо, – буркнул я.

Господи, прости им, ибо они не ведают, что творят. Имеют глаза, но не видят, имеют уши, но не слышат. Бернардо, к примеру, обладал удивительным интеллектом в сочетании с острой наблюдательностью, чего Рамон Кабрера, судя по всему, начисто лишен. А не намекнуть ли ему? Нет, не стоит. Он ведь не поймет. Остается лишь надеяться и снова надеяться, как учат нас мудрецы.

– Святой отец, мне нужна ваша помощь.

– Я слушаю. – Я стал демонстративно протирать очки.

– До вас дошли слухи о портовом картеле?

– Да.

– И что вы об этом думаете?

– Не сочти за оскорбление, но это чушь собачья и не имеет никакого отношения к Бернардо.

Кабрера и глазом не моргнул. «Так может продолжаться вечно», – подумал я и посмотрел на часы, давая ему понять, что аудиенция заканчивается.

– И последнее, святой отец: вы знали, что Бернардо оставил журналистику?

Отцы Церкви, порицавшие ложь, никогда не учили нас говорить всю правду, особенно если инквизитор не задает прямого вопроса.

– Да, знал.

– А почему он это сделал?

– Интересный вопрос. Я не знаю, к сожалению. Если бы ты умел читать между строк, подобно Бернардо, мы могли бы разговаривать с тобой часами. Дело тут крайне запутанное. Будь добр, напомни, какую оценку ты имел у меня по логике?

– С.

– С? Не может быть, чтобы я оценил тебя так высоко. Ты этого не заслуживаешь. Ты уверен? Ну да ладно, я проверю по документам. Кстати, лишь один ученик в моей практике имел А. Бернардо Бланко, разумеется.

– Святой отец, расскажите мне, что с ним произошло.

– Понятия не имею.

И я не обманывал его, поскольку он имел в виду земную судьбу Бернардо, а я говорил о спасении его души. Затем Кабрера повернулся в сторону шкафа, и в его взгляде отразилась стоящая там бутылка водки. «Мать твою, Фриц, – сказал я себе, – что он теперь о тебе подумает? Подумает, что ты пьешь не меньше, чем в его школьные годы. Нет, ты должен, наконец, перестать беспокоиться об этой проклятой водке, иначе все пропало. Мало ли откуда там бутылка? Может быть, ученики подарили. В конце концов, ты отнял у них бутылку, потому что в школе пить запрещено, и убрал в шкаф. Что в этом плохого?»

Я думал, что ему вот-вот надоест рассматривать шкаф и он уйдет, но не тут-то было.

– Мне кое-что рассказывали о вас, святой отец.

Я покрылся испариной.

– Что именно?

– Вы хотите, чтобы я по порядку изложил или...

– Как хочешь, черт подери. Так что тебе говорили?

– Во-первых, что вы консультировали Бернардо.

– Возможно. Дальше что?

Он покосился на мои дрожащие руки.

– Извини, – сказал я, – я жду посетителей и не хочу, чтобы они тебя тут застали.

– А вы не хотите узнать, что еще я о вас слышал? – обиженно спросил он.

– Хочу. Валяй выкладывай.

– Что вы не ладите с епископом.

– Это ложь. Что еще?

– Что у вас плохие отношения с епископом, но прекрасные с портовым картелем.

Сначала я опешил, а потом громко расхохотался. Рамон, наверное, решил, что я сошел с ума. Отсмеявшись, я достал платок и вытер слезы.

– А дальше?

Само собой, он рассердился.

– Ничего. Теперь ваша очередь поделиться со мной информацией. Иначе зачем вы меня пригласили?

Я наклонился, и мне на глаза снова попался «Доктор Джекил и мистер Хайд».

– Ко мне сейчас придут, Кабрера, – сказал я, – так что я коротенько. Во-первых, Бернардо писал книгу. Во-вторых, книгу об истории города семидесятых годов. Что-то вроде журналистского расследования, копался в городском архиве. В-третьих, да, ему угрожали. И в-четвертых,

не лез бы ты в это дело, Макетон, целее будешь. Ибо, как говорят буддисты, не заглядывай в бездну, иначе бездна заглянет в тебя.

Разумеется, он хотел вытащить из меня подробности, особенно его интересовало, нет ли у меня соображений насчет тех, кто угрожал Бернардо, но я сказал, что в другое время я бы не отказался побеседовать с ним, а сейчас не могу. Дело в том, что утром произошла одна неприятная коллизия.

Придя на похороны Бернардо, я неожиданно столкнулся с епископом. Он тоже был весьма удивлен нашей встречей.

– Что вы здесь делаете? – спросил он. Приблизившись ко мне, он почувствовал запах алкоголя. – Вы снова пьете? После службы сразу отправляйтесь в резиденцию.

– Дозволено ли мне послушаться вашего приказания?

Епископ опустился на колени у гроба, шепотом читая «Ангел Господень», но поднимаясь, он уже говорил:

– Довольно. Надеюсь, вы помните, что принесли клятву верности папе, и как его наместник я запрещаю вам разговаривать с кем-либо о случившемся под угрозой отстранения от ваших обязанностей. Вам понятно?

– Да, ваше преосвященство.

«Фриц, – мысленно обратился я к себе, – ты знаешь этого парня тридцать лет и до сих пор не оценил его склонности к примитивным решениям. Вместо того чтобы побеседовать с ним с глазу на глаз, ты бросаешь ему публичный вызов. Поспешность – плохой советчик. Пусть вы два года вместе проучились в семинарии в Риме, пусть ты однажды пригласил его к себе домой в Берлин на Рождество, по нынешним временам ваша былая дружба ничего не значит. Фриц, ты тупое животное. Вместо того чтобы решить вопрос цивилизованным способом, ты прешь напролом, конфликтуешь с начальством и, разумеется, получаешь по заслугам. Теперь руки у тебя связаны, а Макетон сует свой нос куда не следует».

Ну да ладно. Когда я увидел, что время уже к шести, то встал и открыл дверь.

– Прости, Рамон, но сейчас я жду другого посетителя. Будь осторожен.

Он, недовольный, поднялся, а я подумал: «Дай срок, этот парень еще вернется». И надо же было тому случиться, что за дверью он столкнулся с Чавезом. Когда мы остались вдвоем, Чавез спросил:

– Что вы рассказывали Кабрере, святой отец? Вы теперь и его консультируете?

– Не беспокойтесь. Епископ запретил мне вмешиваться в это дело. И я не посмею ослушаться... дважды.

Чавез злорадно расхохотался. Я терпеть не могу, когда он так гогочет.

– Ну ничего, шеф найдет способ вас отблагодарить.

– А если это не тот человек?

– Уже поздно, – сказал Чавез, будто не слышал. – Мне еще ножи надо купить.

Мне не хотелось думать, зачем ему понадобились ножи. Зная Чавеза, можно предположить что угодно. Когда работаешь среди таких людей, привыкаешь к их грубости.

– Обо мне не беспокойтесь, – сказал я ему. – Лучше побеспокойтесь о себе и о спасении собственной души.

При этих словах Чавез презрительно покосился на мою бутылку. «Какая досада! – думал я. – Кабрера будто нарочно выбрал самое неудачное время для визита. Теперь они станут следить за ним. Надо предупредить его». Впоследствии Кабрера совершал поступки, которых от него никак нельзя было ожидать и предотвратить которые не было никакой возможности. «Фриц, – сказал я себе, – все твои труды напрасны. Тебе пора на пенсию. Взять хоть твоих подопечных в полиции; сколько лет ты потратил на их облагораживание, а они все те же». И поскольку мне становилось хуже с каждой минутой, я взял бутылку и отправился в резиденцию епископа.

Когда в дверь моей комнаты постучали, я знал, что это сестра Гертрудис. Я молча лежал на кровати, уставившись в потолок. Поскольку я не отвечал, она приоткрыла дверь и сообщила:

– А у нас сегодня на ужин тушеная капуста.

Тушеная капуста! Каждый раз, когда я бываю не в духе, сестры готовят это блюдо немецкой кухни. Тогда я ем с двойным удовольствием, потому что его преосвященство епископ ненавидит тушеную капусту. Во время ужина он только размазывает еду по тарелке, чтобы скрыть свое отвращение к немецкой еде. Видя это, я беру себе вторую порцию и спрашиваю: «Ваше преосвященство? Не желаете ли добавки?» А епископ неизменно отвечает: «Нет, обжорство вредит душе и телу». А я говорю: «Очень жаль, ведь сестры так старались и заслуживают признания». И его преосвященство с таким выражением, будто его вот-вот стошнит, продолжает возить еду по тарелке. Но бывают дни, когда даже кулинарная война не помогает мне вернуться в доброе расположение духа. Особенно если на совести у меня мертвец, а жизнь еще одного бывшего ученика подвергается опасности. Сестра Гертрудис все стоит и ждет, точно темное воплощение моей вины.

– Я не буду ужинать.

– Не будете?

– Нет.

Тогда она уходит. Жаль, что мои тревоги не столь послушны.

«Что ты делаешь, Фриц? – упрекнул я себя. – Ты ведешь себя как ребенок. В твоём возрасте нельзя подвергать себя таким испытаниям. Иди и съешь что-нибудь, mein Gott! Ты потеряешь сознание и умрешь! Глупо объявлять голодовку из-за обиды на епископа!» Но все это меня не убеждало.

В моей голове собралась толпа враждебно настроенных ко мне людей. Один из них встал и заявил: «Фриц, ты великий грешник. Твои руки в крови. Ты должен действовать! Разве ты не слышишь, как душа Бернардо взывает к справедливости?» – «Слышу, еще как слышу, – отвечал я ему. – В действительности я не слышу ничего другого». – «И что же?» – «Дайте срок, я что-нибудь придумаю». На этом разговор заканчивается, потому что такие разговоры опасны для душевного здоровья.

Но что же все-таки делать? Что, если Макетон вернется с постановлением на обыск в моем кабинете? Или, того хуже, вычислит Уильямса и старика Ромеро и они его убьют? Мне припомнились слова Весельчака о ножах... Словом, Макетон сильно рискует своей шеей.

Было без малого восемь, когда приехал епископ. Из машины он сразу направился на кухню, чтобы узнать меню.

– Что? Опять? – услышал я его возглас, а за тем последовало глухое ворчание.

Через минуту он постучал ко мне в комнату.

– Тихо, черт подери! – крикнул я в ответ. – Я молюсь!

Но он все равно открыл дверь. Если он входит, чтобы отчитать меня, он вначале лицемерно извиняется. Но я был слишком зол и не стал слушать его извинений.

– Чего вы хотите, ваше преосвященство?

– Вы не выйдете к ужину?

– Нет.

– Но они приготовили вашу любимую... капусту.

– Ну и что? Сейчас не время. Я должен поразмыслить над своими ошибками, на которые вы мне указали, и для этого мне необходимо побыть одному.

Он заметно смутился и проговорил:

– Фриц, вы уже не маленький мальчик. Идемте ужинать вместе со всеми. Кстати, из консульства Германии нам передали ящик пива, которое вы так любите. Если вы не придете, я выпью все сам. – Тут он, между прочим, говорил чистую правду.

– Господь карает чревоугодие, – напомнил я епископу.

– Ну как хотите.

Дверь закрылась, и в течение последующих двадцати минут я слышал, как стучит посуда. Пару раз открывались бутылки моего любимого пива. В миг наивысшей тоски я вынул из стола «Духовные упражнения» и открыл их наугад. Пусть Иисус не учил искать пророчеств в книгах, меня они никогда не подводят. Итак, раскрыв откровения святого Игнатия, я прочитал: «Поэтому будьте осторожны, как змеи, и невинны, как голуби». Вероятно, мой святой покровитель советует мне действовать втайне от епископа, чтобы он не узнал о моей роли в этом деле. Я схватил записную книжку, нашел там нужное имя и только начал обдумывать план, как сознание мое разделилось надвое. Одна половина спросила вторую: «Фриц, мерзавец, что у тебя на уме?» – «Прямо сейчас я думаю о том, что надо бы поужинать», – ответила та. И в этом они сошлись.

Дождавшись, пока епископ выйдет из-за стола и удалится в свои покои, я выбрался в холл, где у нас стоит телефон. Трубка оглушила меня ужасным писком и скрежетом. Понятно: как обычно по вечерам, епископ сидит в Интернете и общается с коллегами по всему миру. Придется подождать по меньшей мере полчаса. Я вернулся к себе в келью.

Желудок бурчал от голода. Сев за стол, я услышал голос своей голодной совести: «Пахнет тушеной капустой. Может быть, сделаем перерыв?» – «Подожди, – ответил я, – сейчас у нас много работы». – «Очень жаль. Сестры так старались, готовя ужин. А пиво, сваренное строго по рецепту, прописанному в Баварском мирном договоре...» Я хотел было ответить, но услышал, как епископ кладет трубку, и бросился в холл к телефону. Там я набрал рабочий номер Чичара.

– «Ла-Туэрка», – ответил Чичара. «Ла-Туэрка» – это хозяйственный магазин, где он работает.

– Carnál? – Мне с трудом дается сленг района Кале, но по-другому Чичара не понимает. – У меня для тебя есть четырнадцать.

Он не сразу ответил, и я догадался, что он тащит телефон в место, где его не могут подслушать.

– А что стряслось? Опять четырнадцать?

– Да. На этот раз очень сложный случай.

– Ты и в прошлый раз так говорил, а что получилось? Ты видел его фотографию в «Меркурио»?

Я даже обиделся:

– Ты возьмешься или нет?

– Пока не знаю. Будет трудно, потому что за ним наверняка пустят хвост. – Он помолчал, затем добавил: – У нас закончились прокладки девятого размера.

– Ясно, ты не можешь говорить. Скажи только да, если согласен, или нет.

– Не могу. Надо проверить по накладным.

– Может быть, четырнадцать мало? Хочешь двадцать?

В трубке возникла глухая тишина – похоже, Чичара прикрыл ее рукой или куском полиэтилена. Наверное, за ним следят. Я весь вспотел от напряжения. В любую минуту телефон может понадобиться епископу.

– Carnál?

– Заказ только что поступил, – ответил он. – Оставьте мне ваш телефон, и я перезвоню.

– Нет! Тут люди! – выпалил я.

– Ладно, я поищу эти прокладки. Позвоните через пятнадцать минут.

Он дал отбой. Я, конечно, не собирался ждать пятнадцать минут. Досчитав до ста, я снова набрал его номер.

– Нашел я твои долбанные прокладки, – сказал Чичара. – Куда их доставить?

– К его подъезду.

– А где это?

– 32-А Эмилиано Котрерас, напротив отеля «Торребланка». Кстати, ты мог бы подождать его в отеле, если что.

– Думаешь, стоит? У меня там шурина служит швейцаром.

– А в чем проблема?

– Он накапает моей старухе.

– Почему?

– Потому что там женщины. Ты знаешь что-нибудь о женщинах?

Черт бы побрал этих местных. Профессионал из Германии устроил бы меня куда больше.

– Да не волнуйся, я выкручусь.

– Надеюсь.

– А ты ничего не забыл? Как я его узнаю?

– Нет ничего проще – это Макетон Кабрера.

– Вот как?

– Посмотрим, не напортачишь ли ты на этот раз.

– Слушай, я как-никак профи.

– Ловлю тебя на слове.

Я аккуратно повесил трубку и пошел на кухню. Если повезет, я найду там немного тушеной капусты.

Глава 9

Остаток дня Кабрера занимался бумажной работой. Он написал отчет о ходе расследования и оставил его на столе у шефа. Ровно в восемь, решив, что на сегодня хватит, он отправился домой. У него было свидание с женой, и он не хотел заставлять ее ждать. За последнее время в их отношениях произошли перемены. С декабря они жили порознь, но спали чаще всего вместе.

Последняя их ссора была из-за пульта. Жена упрекнула его в том, что он перестал с ней разговаривать и что, кроме телевизора и секса, его ничего не интересует. Кабрера ответил, что это неправда, и занялся с ней сексом. Потом включил телевизор – он не может без телевизора, это помогает ему расслабиться, – но она раскричалась, и кончилось тем, что он ушел спать в гостиную. Он уже забыл, когда это произошло, но она, несомненно, помнит – она помнит все. Рамон, в отличие от жены, – пацифист и, что бы она ни сделала, готов простить ей все.

В тот вечер они встречались у нее.

– Как я рада, что ты приехал, я тебя ждала, – на удивление ласково сказала жена, когда он вошел в квартиру. Кабрера насторожился.

Она усадила его на диван в гостиной, и тут все началось. Он пошарил вокруг, ища пульт, но пульта не было. Его чуть удар не хватил.

– Где пульт? – спросил Кабрера.

– Я его спрятала, – сказала жена, – он убивает наши отношения.

– Да ты с ума сошла? – Он полез под подушки. – Давай его сюда. Дай мне чертов пульт, Мариана, а не то я... Я хоть и пацифист, но ты напрашиваешься, и ты об этом пожалеешь.

– Да отдам я тебе твой пульт, – сказала она, – но сначала я сделаю тебе массаж.

– Массаж? Зачем?

– Так надо. Идем в постель.

А... в постель. Ну ладно, это он любит.

– Может, ты его там прячешь?

– Заткнись, грязная свинья. Идем в постель. Снимай ботинки и ложись на спину. Только не вздумай меня связать, терпеть этого не могу.

– Не беспокойся, не буду.

Она показала ему флакончик с маслом, которое распространяло очень приятный запах.

– Что это?

– Ароматерапия, тебе понравится.

И правда – после первого вдоха Макетон ощутил во всем теле приятную расслабленность, и на лице его расплылась глупая улыбка. Он шагнул к кровати и улегся на спину.

– Раздевайся! – велела жена.

– А ты? – возразил он. – Сама-то чего?

Поломавшись немного, она тоже начала раздеваться – сняла блузку, юбку и бюстгальтер, и под тихий медленный соул³ массаж начался. При первой возможности Макетон схватил ее грудь, но она шлепнула его по руке.

– Тебе бы сразу трахаться! Обращайся со мной как с леди, извращенец!

Она массирует ему шею, руки, плечи – он был на все согласен, ибо понимал, что послушание есть вернейший способ получить пульт от телевизора. Впрочем, массаж был неплох. Пока ее руки мяли его тело, он улыбался все шире. И вдруг она остановилась. Что такое? Макетон, заинтригованный, взглянул на жену. Она растирала масло по плечам и шее, затем одна капля медленно скатилась на живот между ее грудями.

³ Соул – направление популярной музыки чернокожих жителей США (ритм-энд-блюз).

– Ага, вот, значит, как должна вести себя леди, – съехидничал Макетон.

– А по-твоему, не так?

– Нет. Но ничего, я не в претензии. Мы, пацифисты, очень терпеливы.

Вторая капля скользнула вслед за первой.

– Эй, ты так все масло изведешь, и мне ничего не достанется.

– Потерпи.

Третья капля упала ей на правую грудь. Макетон следил, как она медленно ползет вниз, оставляя блестящий след, и замирает.

– Тебе помочь? Если нужна помощь, то я готов.

– Спокойно, – велела она, – а не то я оденусь и уйду.

Последняя капля упала на левую грудь. Она с улыбкой взглянула ему в глаза...

Позже, Кабрера, осмелев, заметил:

– Это чертовски крутое масло.

– Понравилось?

– Да... Я хочу купить целый ящик такого. Буду продавать девчонкам из социальной службы.

– Бесстыжая свинья, грязный мачо.

Вечер закончился мирно. Обошлось без скандала.

Глава 10

Наутро, когда Макетон чистил зубы, раздался звонок в дверь. Открыв дверь, он увидел на пороге Бедуино.

– Шеф вызывает, – сказал он, – срочно, – и буквально потащил его за три квартала в полицию.

– Что за спешка, *sabrón*?⁴

Но коллега ничего не стал объяснять.

Как известно, полицейское управление располагается в центре старого города, в белом здании под огромным пеканом, кишашим воронами, и по утрам шум вокруг стоит оглушительный.

Когда они вошли, Бедуино спросил у сотрудника, где шеф. Новый агент, который вел задержанного в наручниках, мотнул головой в конец коридора.

– Он уже вернулся, – заметил Бедуино. – Торопись, приятель, тебя там ждут.

На стенах коридора были развешаны официальные постановления, фотографии и фотографии разыскиваемых преступников, записки копов друг другу, объявления о продаже автомобилей, квартир и подробные карты города. Приемную охраняли двое парней в форме. Секретарша шефа поздоровалась с Кабрерой, проигнорировав Бедуино. Тот разволновался и быстро шмыгнул между охранниками, чтобы самому доложить о прибытии Кабреры.

– Кабрера здесь.

В кабинете было холодно, точно в морозилке, но шеф, похоже, не боялся простудиться. На нем была белая рубашка, какие носили в семидесятых, и поверх черный кожаный пиджак самого большого размера. Шеф разговаривал по телефону. Бедуино подскочил к нему и зашептал что-то в ухо, но тот и бровью не повел. Кабрера тем временем оглядывал знакомый кабинет: большая фотография президента на стене, две фотографии самого шефа – на одной он с бутербродом в руке, а на другой – с действующим губернатором в обнимку, три стеклянные оружейные витрины и большой телевизор, передающий новости. Охотничьи трофеи – головы оленя и дикого кабана, а также обрез марки «Винчестер» принадлежали шефу лично.

Кабрера сел на один из стульев у стола и стал ждать, пока шеф закончит разговор по телефону. Бедуино дважды нервно постучал в спинку стула и шепнул:

– Ты бы лучше подождал, пока он разрешит, *sabrón*. Как знать, чем ты провинился?

– Клянусь мамой, не знаю, – ответил Кабрера.

Шеф был в черных летных очках, хотя плотные шторы на окнах почти не пропускали света. Положив трубку, он вперил свои черные окуляры в лицо Кабреры и спросил:

– Это ты конфисковал пистолет сеньора Обригона?

Ах, этот щенок... Он и забыл...

– Да, он у меня в столе.

– Ты кто такой, Макетон? Что ты о себе возомнил?

– Он угрожал человеку. Я ведь не знал, что это за птица. – Если этот недоносок врет, то и ему не грех приврать.

Шеф Табоада покачал головой:

– Сделай одолжение, верни пистолет сейчас же. И почему ты сразу не доложил мне об этом? – Он бросил на стол выпуск «Меркурио».

Поскольку их город был небогат на события, все самое важное освещалось в разделе криминальных происшествий. С итогами схваток за власть всегда можно было ознакомиться

⁴ Козел (*исп.*).

на этих трех страницах и узнать, кого убили, кого арестовали, кому дали срок. В сущности, это была городская летопись, и шеф, как никто другой, умел ее читать.

Новый материал Джонни Гурреро был на третьей странице. Черт бы побрал этого сплетника Джонни! Теперь он писал, что сотрудник полиции, ведущий расследование, сообщил ему, что преступник, мол, у него на крючке и вскоре будет задержан.

Шеф молча смотрел на Кабреру. Это был один из старых трюков, известных каждому полицейскому: если хочешь, чтобы преступник заговорил, поиграй с ним в молчанку. Молчащий коп прессует сильнее, чем коп, задающий каверзные вопросы. Люди нервничают и сами начинают говорить.

– Этот журналист все выдумывает...

– Что тебе удалось узнать? – перебил его шеф.

– Почти ничего. Ну разве что перед смертью Бернардо Бланко виделся с падре Фрицем Шанцем.

– О чем они говорили?

– Этого я пока не выяснил. Вы сами знаете, насколько скрытен отец Фриц.

– А что на дискете?

– Ничего. Там пусто, шеф.

– Ты уверен?

– Абсолютно уверен, шеф.

Табоада вздохнул и пробурчал что-то неразборчивое. Он был страшно недоволен.

– Знаешь, твое время вышло, приятель. Приказываю передать дело Камарене. Сегодня же введи его в курс событий.

Первый раз в жизни он испытывал подобное унижение. Для агента нет ничего хуже, чем быть отстраненным от дела, которое он успел сдвинуть с мертвой точки. Да еще передать его Камарене! Это нечестно.

– Я хочу взять отпуск на три дня, – сказал он.

– Да кто ты такой? – рявкнул шеф.

– Я тот, кто два месяца работал без выходных и которому нужен перерыв.

Кабрера и впрямь два последних месяца практически жил на работе, что дурно сказывалось на его отношениях с женой.

– Хорошо, – согласился шеф, – но помни: дело ты передаешь Камарене.

– Спасибо, шеф.

Кабрера вернулся в квартиру жены. Она была дома и занималась какими-то бумагами. Об отпуске он ей не сказал, боясь, что она потащит его в гости к сестре, а ему не улыбалось все три дня просидеть за рулем. Он попробовал стянуть с нее одежду, но она хлопнула его по руке.

– Отстань, я работаю!

Кабрера снова поискал пульт, не нашел и сердито потребовал его вернуть. Жена обиделась. Тогда он лег на диван и уставился в окно. Через некоторое время она спросила:

– О чем ты думаешь, Рамон?

– Обо всем сразу. Об отце Фрице, об убитом журналисте, о Хилитле, и о человеке по имени Винсенте Ранхель, который может оказаться убийцей.

С этими словами Кабрера поднялся и пошел на кухню. Настроение было хуже некуда. Он решил по-холостяцки пожарить себе рыбу с луком и с соком лайма – жена терпеть не могла лук. Она подошла и спросила, что стряслось. Кабрера рассказал ей о стычке с Чавезом и о своих сомнениях в отношении Паракуанского картеля.

Рыба была почти готова. И тут жена возьми и скажи, что ему не стоило и браться за это дело. Кабрера схватил сковородку и швырнул ее в стену. Они поругались, и кончилось тем, что он выбежал на улицу, хлопнув дверью.

Следующие полчаса он бесцельно кружил по городу и под конец оказался на пляже. Когда требовалось подумать, он всегда ехал на пляж. Купив в киоске два Текате и шесть такос с сальсой, Кабрена припарковался среди дюн. Штормило, на песке чернели нефтяные разводы – наверное, авария на нефтеперегонном или опять протечка с платформы.

Он съел такос, выпил пиво и выкурил сигарету – осталось дожидаться острого приступа гастрита. После еды он два раза ходил отлить. Если будет продолжаться в таком духе, придется сдаваться врачам.

Кабрера готов был заплатить, лишь бы узнать, что нашло на шефа. Почему он сначала попросил его взяться за расследование, а потом передумал? Но больше всего его беспокоила ссора с женой. Неужели это конец? Уж не ослеп ли он, если не видел, куда катятся их отношения? Не секрет, что в случае разрыва он будет пострадавшей стороной.

Жена все еще красива и достойна восхищения, а его, старого дурака, в будущем ничто и никто не ждет. Разве что Роза Исела... Другие сотрудницы соцслужбы и не поглядят в его сторону лишней раз. Неужели Мариана и в самом деле бросит его? За прошедшие две недели они ругались больше, чем за всю совместную жизнь. Похоже, он ей опостылел. Все кончено, понял Кабрера, чувствуя ком в горле. «Виено, – сказал он себе, – кончено так кончено, имей мужество принять этот факт».

Если задуматься, у нее может быть любовник. Почему бы и нет? Он сутками торчит на работе, а когда возвращается, сил хватает только посмотреть телевизор. Они уже сто лет не ужинали вместе. Он представил, как она занимается любовью с другим мужчиной, и ему стало тошно, накатила дурнота, как бывает от осознания большой потери в жизни.

Кабрера взглянул на штормящее море – черное, точно разлитая нефть. Задумавшись, он не заметил, что рядом остановился мальчишка с подносом, продающий сласти.

– Кокосовые конфеты.

Откуда он тут, этот продавец сластей, в самой пустынной части пляжа? «Нет, спасибо», – мотнул головой Кабрера, включил двигатель и поехал обратно в город.

Глава 11

Кабрера приехал в городской архив около двух часов, под конец обеденного перерыва. Поскольку у него было три свободных дня, он решил не торопиться. Когда он спросил у служащей газеты за двадцать последних лет, та даже растерялась.

– Я здесь недавно... Подождите, я посмотрю...

Как теперь узнаешь, чем так привлекали Бернардо семидесятые годы? Что конкретно его интересовало? Коррупция в профсоюзе нефтяников? Взрывы, устроенные Лигой террористов? Основание картеля дель Пуэрто? В любой из этих историй найдется немало белых пятен.

Девушка вернулась, неся три пыльные папки, связанные веревкой. Кабрера сразу понял, что работы ему хватит надолго, как если бы он хотел возобновить дело, которое давно закрыто и забыто.

Он открыл первую папку за январь – февраль 1970 года. Большинство материалов были написаны точно под копирку, как обыкновенно бывает в провинциальной низкобюджетной прессе. Из номера в номер одно и то же: задержан матерый контрабандист, вор-рецидивист, вор-карманник или похититель рогатого скота. А рядом фотография какого-то печального бедолаги и иногда уведенной им из стойла коровы. Словом, ровным счетом ничего выдающегося.

Покончив с газетами в первой папке, он взялся за вторую. К шести часам вечера, просмотрев газеты за восемь месяцев, он убедился, что они подтверждают худшие из его опасений. «*Put a madre*⁵, – думал Кабрера, – как меня угораздило?» У него было ощущение, что реальность состоит из нескольких слоев лжи, слепленных вместе.

В те времена в городе выходило две с виду одинаковые газеты – в точности повторяющие дизайн, логотипы и корпоративные цвета друг друга, обе таблоидного формата. Их было легко спутать. Судя по тиражам, большей популярностью пользовалась «Ла Нотисиа» – газета послушно отражала линию Революционной партии, поддерживала и критиковала тех, кого, по мнению ее владельца генерала Гарсиа, следовало поддерживать или критиковать.

В противовес «Ла Нотисии», «Меркурио», независимая газета, придерживалась более или менее объективной точки зрения на происходящее, но страдала нарочитой сенсационностью. Судя по фотографиям, в начале семидесятых город переживал пору расцвета. Открывались новые нефтяные месторождения, правительство поощряло частные инвестиции в промышленность, развивалась торговля. Доллар стоил двенадцать с половиной песо, и ввиду близости к США съездить за границу было все равно что сходить в супермаркет.

Повсюду продавались крем-сыры «Крафт», конфеты «Бракс», джинсы «Левайс», кроссовки «Найк», аспирин «Гринго». По берегу лагуны росли новые районы. Открывались гостиницы и рестораны. Профсоюз нефтяников построил в городе новую больницу, оборудованную самой современной медтехникой. В одной заметке сообщали, что сеньор Иезус Хередиа у себя на ранчо застрелил ягуара весом более четырехсот фунтов. Лошадь под ним встала на дыбы, увидев в кустах два горящих глаза. Он едва успел включить фонарь и выстрелить. Одному ослу было не под силу сдвинуть с места повозку с тушей ягуара, пришлось запрягать второго. Хищника подвесили на дерево и так сфотографировали для газеты.

Рядом была заметка о молодом механике, который похитил двух девушек. Одной удалось сбежать и позвать на помощь. На снимке механик был уже с фингалом под глазом и разбитыми губами. Заметка называлась *Infeliz chacal* («Злобный шакал»). На языке таблоидов «шакал» означает человека, который обижает тех, кто меньше и слабее, как хищное животное. Этот случай тогда не наделал шума. Центральной новостью могло стать преступление боль-

⁵ Мать твою (*исп.*).

шого масштаба, например тройное изнасилование, все, что мельче, оставалось на уровне районной газеты.

Еще в том году во время урагана погибло немало скота, и многие предприниматели лишились всего, что имели. Близ нефтеперерабатывающего завода произошел пожар, что поначалу держалось в секрете. Фермер, похищенный злоумышленниками, был три дня спустя освобожден благодаря агентам секретной полиции. Кстати, в тексте он нашел их фамилии – Чавез и Табоада, его многолетние сослуживцы. Наверное, это первое упоминание о них в прессе.

Затем состоялись выборы, и новым губернатором стал Хосе Пепе Топете, страстно увлекавшийся спиритуализмом, пирамидами и гомеопатией. В то же время происходили выборы местной власти, и два мэра периода его губернаторства часто мелькали в газетах: мэр Паракуана Даниель Торрес Сабинас и дон Агустин Барбоса, первый оппозиционный мэр Сьюидад-Мадеры, причем второго вскоре посадили в тюрьму. А Даниель Торрес устроил незабываемый летний карнавал в честь второго основания Паракуана.

По телевизору показывали «Коджак».

В кинотеатрах шли «Живи и дай умереть», «Мотылек», «Экзорцист», «Святая палата» Артуро Рипштейна и «Крик черепахи» с Уго Штиглицем, а в кинотеатре порнофильмов – «Эммануэль» и «История О». Некоторые фильмы многократно повторяли: «Извращенка Элиза», «Убальда», «Голые и теплые», «Секретный поезд гестапо», «Студентки развлекаются», «Мой любовник – щенок» (в двух сериях) и другие, где в равной мере присутствуют секс и география. «Ненасытная Азия», «Хартум», «Чувственные ночи», «Самсала», «Жадный язык». Само собой, во время воскресных проповедей в церкви епископ поносил эти фильмы на чем свет стоит.

Раздел рекламных объявлений.

Риго Товар представляет свою новую пластинку; Хосе и Хосе и его друзья, Хуан Габриель и звездные гости, «Джексон Файв», Донна Саммер, Стиви Уандер, «Би Джиз» в «Чероки мьюзик»; знакомьтесь и танцуйте в ХАМЛ.

Светская хроника.

8 января: из Германии прибыла группа любителей пляжного отдыха (на фото). Эти загорелые девушки приехали с берегов Рейна, чтобы посетить наш знаменитый пляж Мирамон. Слева направо: Инге Густафсон, Дебора Штраус, Патрисия Олхофф. Родные и друзья провожают Джона и Джека Уильямс, отбывающих в город-побратим Сан-Антонио.

Новости нашего города.

В грузовиках с томатами может скрываться малярия. Постыдное избиение родной матери. Мужчина изменяет жене без причины. Эпилептик попал под автобус. Человек, потерявший память, проводит ночь в трущобах.

Спорт.

Кассиус Клей выступает на пресс-конференции.

Международные новости.

Генри Киссинджер угрожает экономическим эмбарго. Тревожная ситуация на Ближнем Востоке.

Такова была жизнь в прогрессивном городе Паракуане, штат Тамаулипас, преданном больше ее духовным аспектам и потому порицающем плотскую ее сторону. Непонятно только, что в этой рутине могло заинтересовать Бернардо Бланко. Разве что жуткая и запутанная история об убийстве детей?

Первая информация появилась в четверг 12 января в виде маленького платного объявления перед дневной телепрограммой. Внимание, розыск: пропал ребенок. И фотография из школьного альбома. Дальше был помещен следующий текст:

«Девочка на фотографии, Лусия Эрнандес Кампилло, исчезла в прошлый понедельник по пути в колледж «Фробель». Была одета в синюю юбку, белую блузку и черные туфли. Родители – Эверардо и Фернанда – обещают вознаграждение за информацию о местонахождении ребенка».

Теперь, через двадцать лет, соседние заголовки читались как зловещее предвестие трагедии:

«Пожар в La sierra de osampo»; «Засуха грозит беспорядками в порту»; «Ураган вызывает большие разрушения в центре и на севере штата»; «Два сотрудника полиции обвиняются в ограблении».

И снова – агенты Чавез и Табоада.

Кабрера покачал головой.

17 февраля около полудня мужчина и женщина, катаясь на лодке по лагуне, обнаружили в районе Эль-Пальмар труп ребенка. Это была еще одна пропавшая девочка, Карла Севаллос. Небрежно присыпанное ветками и листьями тело находилось на островке всего в нескольких ярдах от самой оживленной улицы города.

«Ага, – подумал Кабрера, – это уже кое-что. Но как я мог забыть? Мы работали по сменам в сорок восемь часов, разыскивая убийцу. Я тогда первый год служил в полиции. К сожалению, все оказалось впустую».

Газеты продолжали публиковать объявления о розыске первой из девочек:

«Лусию пока не нашли. Родители в отчаянии».

17 марта, через тридцать дней после Карлы Севаллос, были обнаружены останки еще одного ребенка, прямо на площади Плаза де Армас. И снова это была не Лусия, а Юлия Консепсьон Гонсалес, исчезнувшая за несколько часов до страшной находки. Почерк был схожий, и полиции пришлось признать, что в городе орудует маньяк-убийца.

Журналисты предполагали, что убийца – психически ненормальный человек, временно пребывающий в Паракуане. Обе газеты напечатали интервью Маргариты Лопес Гаска, доктора психиатрии из клиники в соседнем городе Тампико. По их просьбе она со свойственным ей профессионализмом составила примерный портрет личности преступника:

«Мы имеем дело с социально неадаптированным человеком, лишенным моральных ограничений, который заиклен на повторении своих поступков и получает удовольствие, представляя грозящее ему наказание».

А в «Меркурио» репортер не преминул приписать ей заключительную реплику: «У нас есть все причины полагать, что на этом преступник не остановится».

Город охватила всеобщая истерия. Учителя из урока в урок твердили детям об опасности, охрана образовательных учреждений была удвоена.

Примерно в то же время, когда полиция объявила о том, что якобы нашла след маньяка, произошло одно событие, оставшееся незамеченным на фоне массового психоза. Французский археолог Рено Леро определил точное местонахождение легендарной и загадочной Пирамиды тысячи цветов и морской раковины. Всем известно, что эта пирамида – поросший травой холм высотой пятнадцать футов – находится в саду за домом сеньора Харриса. Но французский археолог утверждал, что холм – только вершина айсберга, под которой скрывается основная часть, таящая в себе несметные сокровища.

В доказательство он ссылаясь на жителей района, утверждавших, что почва у них в округе как каменная и им с трудом удалось заложить фундаменты под свои дома, а также что во время стройки им попадались многочисленные изделия из глины. Впрочем, подтвердить это либо продемонстрировать находки жители наотрез отказались, поэтому по прошествии двадцати лет пирамида так и остается погребенной под землей.

Несколько дней спустя обе газеты опубликовали передовицы с требованием найти и наказать преступника. Также высказывалось мнение, что если он до сих пор на свободе, то, следовательно, имеет высоких покровителей.

В начале марта аноним обещал двадцать пять тысяч песо тому, кто вычислит «шакала». Привлеченные этой суммой, в город хлынули профессионалы и сыщики-любители всех мастей. Началась погоня за наградой. И вот 20 марта отряд бойскаутов, обследовав заброшенную стройку, обнаружил тела Лусии Эрнандес Кампилло и Инесс Гомес Лобато. «Меркурио» не поспешил на подробности и фотографии, от которых стыла кровь. И в результате:

«Сегодня, в пять часов, начало демонстрации протеста против бездействия полиции».

Затем глава профсоюза учителей пригрозил национальной забастовкой. И поскольку профсоюз, насчитывающий четыреста членов, представлял собой мощную силу в масштабе всей страны, губернатор вынужден был вмешаться. Вскоре преступник был найден, арестован и отдан под суд. Кабрера с удивлением прочитал о странностях, происходивших на процессе. Так, все свидетельства в защиту обвиняемого, представленные адвокатом, были отклонены. Свидетельства, которые могли бы придать делу иной оборот.

После нескольких дней судебного разбирательства как «Ла Нотисиа», так и «Меркурио» вдруг перестали публиковать сводки из зала суда, словно ничего не происходит. На той неделе «Ла Нотисиа» поместила фотографию, которую Кабрера хорошо запомнил: бородатый человек в белых одеждах, как древний христианин, с огромным куском ткани. И подпись: болгарский художник Христо Ячев накрывает тканью площадь размером сорок тысяч квадратных футов в Кингс-Бич, Массачусетс.

С тех пор газеты больше не упоминали об этом деле, и криминальная хроника приняла свой обычный вид. Например: «Трагическое самоубийство на стройке»; «Вор берется за старое»; «Матерый грабитель».

20 мая министр здравоохранения, посетивший город, подтвердил, что опасность малярии в регионе устранена. Но, судя по криминальной хронике за август – сентябрь, когда преступник был уже осужден и заперт в тюрьму, на севере штата все равно находили детские тела. Кабрера хотел узнать о событиях следующих за судом месяцев, но нужные ему номера в архиве отсутствовали.

Глава 12

Когда Кабрера попросил газеты за июнь – июль, служащая вернулась с пустыми руками. – Странно, но их нет! – сказала она. – Наверное, куда-то переложили. Простите, но мне сейчас нужно отойти. Обратитесь, пожалуйста, к нашему директору дону Родриго Монтойе.

Оказалось, что директора он встречает не впервые – тот присутствовал на похоронах, и Кабрера видел, как он разговаривал с отцом Бернардо.

– Я хотел бы посмотреть периодику за июнь – июль 1970 года, – сказал ему Кабрера.

– Что? – удивился директор. – Разве ее нет на месте?

– Нет. Есть только за май.

– Удивительно! Я строго слежу за порядком в архиве и не понимаю, куда она могла подеваться.

Он связался по селектору со служащей и велел ей снова проверить наличие номеров.

– Она будет искать, – доложил директор Кабрере, глядя в окно. За окном на лагуне орудовали бульдозеры. – Как странно, – повторил он, – ведь эти старые газеты никто не читает. Только один посетитель недавно спрашивал их – тот, которого мы похоронили.

Кабрера сказал, что он как раз ведет расследование, и тоже посмотрел в окно.

– Послушайте, – продолжал Родриго Монтойя, – первый раз Бернардо пришел сюда три месяца назад и сказал, что изучает историю экономического развития города. Я тогда удивился: периодика не самый полный источник информации по этому вопросу. Он приходил каждый день в течение трех недель, и тогда я понял, что его интересует совсем не экономика.

Однажды я застал его у ксерокса – он копировал материалы, которые, конечно, ценны с точки зрения истории, но к экономике не имеют отношения, по крайней мере прямого отношения. Так я ему и сказал. И добавил, что это дело весьма деликатное и кое-кто будет не рад узнать о его архивных исследованиях. А он тогда и спрашивает: «Что бы сказал на это доктор Куроз Куарон?» И я понял, что Бернардо в курсе моего скромного участия в этом деле двадцатилетней давности.

Тогда я недолго служил в полиции. «Если вы хотите знать, что сказал бы доктор Куарон, – ответил я, – я могу ознакомить вас с его признаниями, но если вы хотите получить более полную информацию, вам стоит обратиться к другому человеку». Я предупредил его, что это может быть опасно, потому что этот человек, откровенно говоря, не в ладах с законом. Если что – он бывший коп. Он помнит все детали. «Я подумаю», – сказал мне Бернардо и через пару дней попросил у меня координаты моего знакомого.

Потом я узнал, что они встречались. А когда Бернардо убили, я боялся, что его обвинят, но вышло по-другому, убийство свалили на Чинкуалилло. А за моего знакомого я ручаюсь – он невиновен.

– Мне бы хотелось с ним поговорить, – сказал Кабрера.

– Я попробую это устроить, а пока вот что. – Директор отпер ящик стола и вынул синий блокнот с психоделическим рисунком на обложке. – Это мой дневник двадцатилетней давности. Я все записывал сюда. Бернардо тоже его читал.

Он позвал секретаршу и велел снять копию. Они молча ждали, глядя в окно на бульдозеры, без устали ковыряющие побережье. Когда секретарша вернулась, Кабрера взял копию и ушел. У него было много дел и всего три дня отпуска.

Глава 13

Тюрьма Паракуана стоит на холме над рекой. Мимо проходит дорога, ведущая в город. Когда-то давно это был замок испанского землевладельца, а теперь на его башнях несут караул восемь вооруженных жандармов, которые наблюдают за происходящим в тюремном дворе.

Перед тем как войти в тюрьму, требуется сложить в специальный пакет ремень, шнурки, все режущие или плавкие предметы и оставить на пропускном пункте. При входе есть знак, предупреждающий о том, что запрещено проносить алкоголь, продукты, острые предметы, бананы, манго и анноны⁶, поскольку из фруктов заключенные наловчились гнать самогон. Охранник проверяет ваш паспорт, спрашивает, кем вам доводится заключенный, которого вы хотите навестить, и разрешает войти.

Все, наверное, забыли, что Рене Луис де Диос Лопес когда-то был больше известен как Шакал. Теперь его просто звали по имени или фамилии. Когда Кабрера спросил о нем, один охранник ответил:

– А, это вон тот мужик с гитарой. Торопитесь, их сейчас поведут ужинать в столовую.

Шакал вместе с другими заключенными распевал что-то религиозное, аккомпанируя себе на гитаре. Кабрера подошел и тихо объяснил, зачем он здесь.

Лопес не удивился.

– Второе интервью за неделю, – сказал он, – скоро я стану знаменит!

И Кабрера понял, что он на верном пути.

⁶ Аннон – плод тропического дерева.

Глава 14

История Рене Луиса де Диос Лопеса – это история козла отпущения. В 1975 году он работал развозчиком холодных закусок на местном мясокомбинате. Когда погибли первые три девочки, он был в командировке в городе Матаморосе, до которого ехать целые сутки. Раз в пятнадцать дней шеф посылал его на север штата с товаром. У него даже был оплаченный счет из отеля, где он останавливался, с печатью и подписью кассира, который хорошо его запомнил. На свою беду, в то утро, когда нашли одну из девочек, он находился в Паракуане.

Цепь случайностей убедила полицию, активно искавшую виновного, что Рене Луис де Диос Лопес – лучший кандидат на эту роль. И в результате последние двадцать пять лет он провел в тюрьме за убийства, которых не совершал. Уж если государство вознамерится кого-то наказать, то ничего не поделаешь.

Восемь свидетелей Иеговы – которым религия не позволяет лгать – были готовы подтвердить, что в день, когда погибла вторая девочка, Рене Луис де Диос Лопес находился с ними с десяти часов утра до шести вечера и не мог бы отлучиться незаметно. Однако судья не принял во внимание ни их свидетельства, ни оплаченный счет из гостиницы с печатью и датами, ни командировочный лист от владельца мясокомбината, доказывающий, что в дни, когда погибли дети, Рене Луис де Диос Лопес доставлял товар в Матаморос и Рейнозу. Он стоял на границе, работал в Рейнозе, покупал подарок на день рождения жене в Макаллене, чему имелось документальное подтверждение, включая отметки в паспорте о въезде и выезде из страны, и все это было отклонено как фальшивка.

На фотографиях, сделанных после приговора, двадцатипятилетний Рене Луис де Диос Лопес выглядит крайне подавленным и растерянным. Если он не умрет в тюрьме, то освободится в семьдесят. У него две малолетние дочери и жена, с которой они прожили три года.

Его защитник – оппозиционный активист – обратился в высшие судебные инстанции, чтобы опротестовать приговор. Устроил пресс-конференцию, где рассказал о грубых ошибках, допущенных в ходе следствия, а месяц спустя на собственные средства опубликовал книгу о несправедливостях, жертвой которых стал его подзащитный. Адвокат продолжал делать громкие заявления, пока не попал в аварию. Он выжил, но остался калекой и не протянул потом и пяти лет.

В камерах, где сидели убийцы, вместо потолка была толстая решетка. Сверху ходили надзиратели, в любой момент готовые дать вниз очередь резиновыми пулями или бросить гранату со слезоточивым газом. Дверь в коридор заменяла пластиковая занавеска. Рене Луиса сразу предупредили, что убийцы и насильники женщин и детей в тюрьме долго не живут – их убивают соседи по камере, а копы не вмешиваются. Таковы, мол, нравы заключенных, и поделаться ничего нельзя. Охранник, что говорил ему об этом, не скрывал своего злорадства.

Сокамерники встретили его с молчаливой враждебностью. Рене Луис даже не надеялся пережить первую ночь, помня, что звать на помощь бесполезно. В девять часов погас свет. Вскоре к нему подошли трое. Один – высокий худой мулат с косым шрамом на шее – спросил: «Это ты убил девочек?»

Козел отпущения, едва живой от страха, которого вот-вот должны были принести в жертву суровым тюремным порядкам, залепетал что-то о своей невиновности и о том, что его осудили по ложному обвинению. Но если цивилизованные люди не захотели выслушать его, когда у него на руках были все доказательства, что толку разговаривать с этими головорезами? И все-таки они слушали, хотя рассказ его был сбивчив и малоубедителен, как казалось ему самому. От ужаса он едва не терял сознание, забывал слова. Сердце грохотало в ушах. Когда сквозь решетку проглянула луна, он увидел, что мулат держит в руке нож. «Вот и все», – подумал Рене Луис.

Тем временем сокамерники начали осматривать его вещи. Мулат схватил пакет растворимого кофе, который Рене Луису передала жена.

– «Са-fé de Со-mi-tán», – прочитал он по слогам. – Откуда это?

– Из Чьяпас.

– Да ну? Хороший, наверное, кофе. Я отсыплю себе немного, ты не против?

– Возьми весь, – еле слышно проблеял козел отпущения, который по-прежнему ждал смерти, гадая, куда придется первый удар – в живот или в шею.

Потом мулат поднял нож, и наш жертвенный агнец покорно зажмурился и не увидел, как сокамерник вскрывает ножом пакет. Он открыл глаза, когда услышал тихий шорох – это кофе сыпался из пакета в подставленный носовой платок. «Спасибо, приятель, – сказал мулат, и они отошли. Остаток ночи Рене Луис провел без сна, а когда под утро ненадолго забылся, ему приснилась свора собак, которые окружают его, обнюхивают, но разбегаются, не тронув.

К тому времени, когда его навестил Кабрера, Рене Луис давно не верил в справедливость. Сидеть оставалось пятнадцать лет – срок сократили, и он боялся сболтнуть лишнего, чтобы снова не добавили. Кабрере не сразу удалось его разговорить.

– Кто, по-вашему, настоящий преступник? – спросил Кабрера.

– Ну ходили слухи, что владелец «Рефрескос де Кола», друг президента Эчеверриа. Но это только слухи.

Рене Луис понуро опустил голову – словно говоря, что им никогда не узнать, кто должен мотать срок на его месте. В помещении, где они сидели, стало темно. Небо за окном покрылось тучами, хлынул дождь.

Глава 15

В тот вечер Кабрера позвонил в епископскую резиденцию и спросил у падре Фрица:

– Почему вы мне ничего не сказали о Джеке Уильямсе?

– Потому что это не важно. Мистер Уильямс и так двадцать лет вынужден понапрасну оправдываться, ни к чему поминать старое.

– Откуда вы знаете, что он не виноват?

– Потому что я знаю его лично и знал его отца. Я могу за него поручиться.

«Так, это меняет дело. На чьей же стороне отец Фриц?» – недоумевал Кабрера.

Затем он позвонил домой директору архива и попросил контакты его знакомого.

– Он будет ждать вас завтра в одиннадцать у маяка, – отвечал директор, – его зовут Хорхе Ромеро, он бывший сотрудник секретной службы.

– Кажется, я где-то слышал это имя. Как мне его узнать?

– Не беспокойтесь, он сам вас узнает. У него повсюду есть глаза.

– Отчего же он прячется?

– Оттого что у него много недоброжелателей. К примеру, начальник полиции. Я предупредил вас, что с ним не все так просто. И еще: дайте ему денег, он человек небогатый.

– Да и я не миллионер.

– Двести песо будет достаточно.

Следующий звонок был на работу, где его ждали шесть сообщений от сына Кончилоко: «Гони мою пушку, засранец». Черт подери, он совсем забыл. Этим надо заняться немедленно. Не хватало ему еще неприятностей с Обригоном. Но за день он совершенно вымотался и решил, что несколько часов все равно погоды не сделают... Это была ошибка.

Из-за ссоры с женой пришлось возвращаться в свою квартиру, где царил страшный беспорядок. Упав на кровать, Кабрера раскрыл было дневник Родриго Монтойи, чтобы перед сном прочитать его записи, но из этого ничего не вышло: он слишком устал. Сил хватило только для того, чтобы встать и выпить стакан воды. За окном уже стемнело, и на горизонте в районе нефтеперегонного завода, как пламя, запылал закат. Кабрера ненавидел, когда небо окрашивается в эти тревожные смятенные цвета. Черт, как же он устал! Ну и денек. Он снова лег на кровать и уснул.

Глава 16

В такую погоду на пляж ходят только сумасшедшие. Компанию Кабрере составляли трое закутанных в одеяла подростков, которые суетились вокруг барбекю, пытаясь пожарить мясо. Следуя инструкции Монтойи, Кабрера ехал по Приморскому бульвару в направлении отеля «Лас Гавиотас». У рекламного щита «Рефрескос де Кола» он остановился, припарковал машину за дюнами и пошел на пляж.

Холодный пронизывающий ветер спешил к дамбе, шурша в пустых палапас. Изредка высовывался краб-отшельник и швырял в Кабреру песком. У самой воды скакала маленькая чайка. Всякий раз, когда волна отступала, чайка бросалась в воду за мелкой серебристой рыбешкой. Пару минут она сопровождала Кабреру, который ходил туда-сюда, чтобы согреться, а затем прилетела вторая и забрала ее. Видя это, он подумал, что даже чайки более удачливы в жизни, чем он.

Киоск торговал сладостями при любой погоде. Кабрера никогда не понимал, какую прибыль можно получать от торговли в самом дальнем углу пляжа. Задумавшись, он не успел заметить разносчика, а тот уже предлагал ему кокосовые конфеты. Если этот парень со своим стеклянным ящиком сумел подобраться к нему незамеченным, то, наверное, любой смог бы? Нет, он не создан для работы на улицах. Он должен сидеть в офисе, развлекать болтовней сотрудниц соцслужбы.

Тем временем подростки собрались, сели в машину и уехали. Оставшись в одиночестве на пустом пляже, Кабрера словно прозрел. О чем он думал раньше? А вдруг это ловушка? Безлюдный пляж отличное место, чтобы спрятать труп. Нет сомнений, что директор архива состоит в сговоре с Чавезом. Его убьют и зароют в песок, как в фильмах про китайские банды.

Пока он раздумывал, на бульваре остановился автобус. Вышли двое, один из них ребенок – девочка лет десяти в большой, не по росту, ветровке. Она посмотрела на него, и Кабрера понял, что это за ним.

Девочка сопровождала слепого человека с тростью. Они приблизились, и не успел Кабрера представиться, как слепой произнес:

– Я вас знаю. Не бойтесь, amigo, я вас не убью.

Кабрера повел их к киоску, где было нечто вроде кафе – столы и стулья, огражденные бетонными стенами. Неуютно, но хоть какая-то защита от ветра. Они сели на холодные стулья. У девочки зуб на зуб не попадал. С собой у нее была коробочка с карандашами и бумагой.

– Иди поиграй, Кончита, – велел ей слепец, – не мешай нам.

Девочка послушно отошла и села за дальний стол. Там она вынула карандаши, лист бумаги и стала рисовать.

Слепой сказал, что его фамилия Ромеро и раньше он работал в секретной службе. С виду он напоминал бездомного – на рубашке не хватает нескольких пуговиц, воротник потрепан, щеки густо поросли щетиной.

– Я испугал вас? Не беспокойтесь, от хвоста я оторвался. А за вами нет слежки?

– Не знаю. Я об этом не думал...

– Кончита говорит, что на пляже нет ни души, но остерегайтесь Весельчака – он станет мстить. Это дело для него очень важно. На нем он построил всю свою карьеру.

Слепой и сам заметно нервничал, настороженно прислушиваясь к реву ветра. Ему угрожали сразу две опасности: его преследовали судебские за торговлю краденными машинами и его искал шеф Табоада. Он жил в бегах. У него давно не было постоянного адреса, ему часто приходилось скрываться за границей.

Для начала Кабрера спросил, как давно он знаком с Родриго Монтойей, который работает в архиве, задал еще несколько вопросов и потом сказал:

– Давайте к делу. Вы знаете, кто убил журналиста?

– Что, так сразу? А выпить вы мне не предложите? Я, кстати, не ел со вчерашнего дня.

Кабрера заказал им с девочкой по большой порции всего, что нашлось в кафе, пачку сигарет и несколько банок «Рефреско де Кола» для Ромеро, который – по его собственному признанию – жить не мог без этого напитка. Кабрера надеялся, что после еды слепой станет более разговорчив. Пока тот ел и пил, Кабрера пытался рассмотреть его лицо, наполовину скрытое за черными очками, и ему казалось, что этот человек и впрямь встречался ему в полиции, но только очень давно, еще в первые годы службы. Зубов у него почти не было, и ел он медленно. Когда Ромеро покончил с десертом, состоявшим из большого куска твердого сыра, который он, прежде чем съесть, раскрошил на тарелке, Кабрера решился спросить:

– А вы знаете, над чем работал журналист в последнее время?

– Как же мне не знать? – Ромеро сунул в рот сигарету, чиркнул зажигалкой и закурил. – Я был для него главным источником информации. Посмотрите. – Он снял очки.

Кабрера невольно содрогнулся. Глаз у Хорхе Ромеро не было вообще – вместо них глазницы заполняли уродливые кожаные рубцы. Наверное, глаза ему выкололи или выжгли кислотой.

– Чтобы раскрыть это дело, вам необходимо знать, что произошло двадцать лет назад. Я имею в виду «шакала».

– Да, я что-то слышал об этом, – уклончиво заметил Кабрера, – или читал, точно не помню. Вроде бы ходили слухи, что настоящий убийца – это Джек Уильямс.

Ромеро покачал головой, выпуская облако дыма:

– Джек Уильямс тут ни при чем.

– Почему вы так уверены в этом?

– Потому что убийцу поймал я.

Глава 17

Они просидели за столиком целый час. В рассказе Ромеро часто мелькало имя его «партнера» – Винсенте Ранхель. Когда Кабрера спросил, нельзя ли повидать этого человека, слепой ответил:

– Нет, он давно исчез. Никто не знает, что с ним случилось.

– Ну а убийца? Кто же это?

Кабрера замер, чувствуя спиной холодок нетерпения.

– Вы хотите знать, кто убийца? Тогда платите. Я продаю информацию, а не распространяю бесплатно из любви к родине.

Кабрера выгреб почти все, что было в кошельке и карманах, и отдал ему. Тогда Ромеро сказал девочке:

– Кончита, достань фотографию.

Кончита вынула из своей коробки смятую газетную вырезку. На фотографии были двое мужчин в костюмах и галстуках, окруженные телохранителями.

– Убийца – тот, кто в темных очках, – сказал Ромеро. – Все, нам пора, а вы посидите тут, пока мы не уедем. Нам нельзя уходить вместе.

Кабрере надоело сидеть в одиночестве за столиком, а они все ждали автобуса. Тогда он расплатился, встал и пошел на берег.

То, что он узнал от Ромеро, – это просто бомба. ¡Сагајо!⁷ Что же ему теперь делать? В воздухе потянуло серой с нефтеперегонки. Пляж кончился, начались сосны и пальмы. Кабрера долго стоял, глядя на море и пытаясь разобраться в собственных мыслях, и вдруг его будто подтолкнуло что-то: пистолет! Как он мог забыть? Скорее на работу!

⁷ Черт побери (*исп.*).

Глава 18

У дверей его встретила встревоженная Роза Исела. Увидев Кабрера, она подскочила и схватила его за руку. За ней спешили Бедуино и Гордо по прозвищу Толстый Волк.

– Кабрера! – крикнул Бедуино. – Тебя ищет Чавез.

Исела тащила его в другую сторону.

– Подожди минутку, – сказал он ей, – я сейчас. Узнаю, в чем дело, и вернусь.

– Нет-нет, не ходите туда!

Кабрера почувствовал, что серьезно влип.

– Чавез тебя ждет, – напомнил Толстый Волк, отбирая его у Розы.

Войдя, Кабрера увидел, что столы сдвинуты к стене, а посередине пусто. Куда-то подевались все гражданские, которые обычно так и сновали у них в отделе. Чавез сидел за столом, поигрывая ключами.

– Что случилось, Чавез? – спросил Кабрера.

Чавез лишь молча посмотрел на него и ничего не ответил. Левую руку он прятал за спиной.

В такой ситуации важно не потерять выдержку, иначе ты проиграл. Чавез медленно смерил его взглядом, и Кабрера сделал то же самое. Так и продолжалось, пока Чавез не рассмеялся.

– Смотрю, ты очень занят, – сказал он, поглаживая свою козлиную бородку.

– Ага.

– Говорят, ты встречался с Ромеро. Может быть, ты ищешь Ранхеля? – Услышав это имя в третий раз за день, Кабрера понял, что это не к добру. – Если ты хочешь знать, где он, спроси-ка у своей жены.

Роза Исела знала, что происходит, и попыталась вмешаться.

– Сеньор Кабрера, сеньор Кабрера, у меня к вам вопрос...

Но Толстый Волк и Бедуино зорко стерегли все подходы.

– Сеньорина, отойдите, не мешайте, они сами разберутся.

Кабрера сделал шаг вперед.

– Что ты сказал?

– Я сказал: спроси у своей жены.

– Ты хочешь, чтобы я надрал тебе задницу?

– Нет, ты не понял. Если не хочешь огорчаться – не спрашивай. Но если хочешь узнать, где Винсенте, то спроси ее.

Внезапно Кабрера резким ударом ноги опрокинул стол, за которым сидел Чавез. Тот выбросил вперед кастет, что прятал за спиной, но Кабрера успел отступить и сам со всего маху двинул его в челюсть. Чавез упал, но не сдался. Увидев, что он поднимается, Кабрера ударил его ногой под дых. К несчастью для Чавеза, Кабрера был в ковбойских сапогах. Чавез взлетел в воздух, на лету повернулся и рухнул на пол позади стола. Он снова попробовал встать, но ноги его не слушались. Было слишком поздно. Пацифистский дух Кабреры испарился. Бедуино и Толстый Волк схватили его за руки, опасаясь убийства.

– Полегче, приятель, успокойся...

– Ага, теперь вы меня держите, мерзкие твари? Сукины дети! – крикнул он и вырвался.

Чавез, воспользовавшись заминкой Кабреры, швырнул в него кастет.

– Ах ты мразь! – зашипел Кабрера, почувствовал резкую боль в правой ноге ниже колена, и ринулся вперед, готовый прикончить злодея.

За свое спасение Чавезу следовало благодарить Розу Иселу. Она бросилась на спину Кабрере и запричитала:

– Сеньор Кабрера, не надо, не надо, успокойтесь!

Тогда Кабрера остановился. Постоял, отдуваясь, повернулся и побрел к выходу. В дверях собралась толпа – сбежались все новички. Роза шла рядом, желая прикрыть собой распростертого на полу Чавеза. Но по пути Кабрера услышал, что тот что-то бормочет. Он остановился:

– А ну-ка повтори!

– Тебе конец, – промычал Чавез громче. – Ты труп.

– Смотрите и мотайте себе на ус, – обратился к молодежи Кабрера, – если собрались кого-нибудь убить, убивайте сразу. А объявление в газете дадите потом.

По тому, как Чавез прищурился, Кабрера понял, что он не шутит. Опираясь на плечо Розы, он вышел на улицу.

– Пожалуйста, уезжайте отсюда! Чавез вам этого не простит.

– Не волнуйся, ничего со мной не случится.

– Может быть, вызвать скорую помощь?

– Если только для Чавеза. Я ему все зубы выбил.

– А себя вы видели? У вас лицо в крови...

И правда... Наверное, вначале Чавез смог-таки дотянуться кастетом до кончика его носа. Из носа шла кровь. Он был так зол, что не обратил внимания. И нога начинала неметь.

– Вам нужно к врачу, у вас может быть перелом.

В том месте, куда пришелся удар кастета, по ноге разливалась чернота. Роза права, в таком состоянии он ни на что не годен, надо ехать домой.

– Ой, он выходит! – испугалась девушка. – Уезжайте скорее!

Из дверей полиции вышел Чавез. Рядом семенил Толстый Волк. Чавез отдал приказ, и один из новичков побежал к патрульной машине, все время оборачиваясь на Кабрера. «Просто не верится, – думал он, – куда катится мир? Мои же коллеги будут меня пасти».

– Спасибо, детка, – сказала он Розе, – не волнуйся, возвращайся на работу. – Он обнял ее и заковылял дальше.

Каждый шаг отдавался в ноге острой стреляющей болью, но останавливаться было нельзя, потому что подручный Чавеза уже включил двигатель. Что ж, посмотрим, как ты за мной угонишься, сукин сын.

Вместо того чтобы сесть в машину, Кабрера сел в городской автобус. Коп поехал следом. На третьей остановке Кабрера вышел, поймал такси и поехал в обратную сторону, заставив копа разворачиваться посреди дороги. Кабрера это страшно забавляло. Он велел таксисту ехать в супермаркет «Розалес».

– Но это же рядом!

– Вот именно.

Таксист только глухо заворчал и свернул за угол. Коп не отставал. Кабрера вошел через центральный вход, а вышел с обратной стороны – прямо напротив полиции. Коп застрял на парковке, среди машин, снующих в поисках свободного места. Бедняга, сколько ему еще предстоит учиться.

– Добрый день! – поздоровался со всеми Кабрера, подходя к своей машине.

Чавез от злости покраснел как помидор, а Кабрера с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться. *Pobres pendejos*⁸, он обыграл их вчистую! «Надеюсь, этим я не навредил своей карме», – думал Кабрера по дороге домой. Он торопился, даже проехал на красный свет. Нога жуть как болела, и каждый раз, когда он нажимал педаль газа, боль усиливалась.

На одном светофоре, когда уже зажегся зеленый, пикап, стоявший слева, вдруг сдал назад. Странно. Кабрера тоже попятился. Хорошо еще, что дорога почти пуста, а иначе было бы не миновать аварии. Кабрера не мог об этом задумываться, потому что боль стала невы-

⁸ Недоумки (исп.).

носимой. И вдруг пикап поравнялся с ним и протаранил его правый бампер. Голова Кабреры прошла сквозь стекло, разлетевшееся на миллион осколков.

Из последующих событий он лучше всего запомнил слова на боковом зеркале, которые перечитывал снова и снова: объекты находятся ближе, чем кажется. Он не знал, ни кто он, ни где он находится. Видел, что пикап впереди снова собирался таранить его задом, но не мог пошевелиться. На миг ему показалось, что он с кем-то спорит, но, взглянув в зеркало, понял, что спорит не он. Сзади сидели две девочки – рыжая и темнокожая. Рыжая задумчиво говорила: «Надо шевелиться, а то мы врежемся в этот пикап». Наверное, подобно Кабрере, она была в шоке после столкновения. «Не суетись, – возражала ей темнокожая, – нам и так хорошо».

По радио запел Риго Товар. Знакомая песня, знакомые слова: «О, как я счастлив тебя видеть, как я рад, красавица моя». Интересно, почему так громко и чисто? Ну конечно, Риго Товар, лучший на планете певец стиля тропикаль, едет с ним в машине! Он на заднем сиденье вместе с девочками! Риго, в белом костюме и черных очках, прочувствованно играет на маракасах. Кабрера улыбался, глядя в зеркало. Боже, какая честь, сам Риго Товар! Плохо только, что пикап все приближается. Рыжая озабоченно заметила: «Он совсем близко, это опасно». Наверное, она очень умна.

И вдруг к нему наклонился Риго и произнес надменным тоном: «Послушай, друг, что я тебе скажу. Ты должен свернуть, иначе ты въедешь ему в зад, и не сидеть тебе больше в парке среди розовых кустов под делониксами, не болтать с девочками из соцслужбы и не танцевать под мою музыку. Не огорчай меня, приятель». Нет, он ни за что не огорчит Риго Товара. «Не беспокойся, я сейчас куда-нибудь сверну», – пообещал он, а Риго снисходительно улыбнулся. «Нет проблем, Риго. Для меня большая честь разговаривать с тобой». Риго рассмеялся и вдруг исчез, растворился в воздухе.

Кабрера остался один на один с пикапом. Не вполне понимая, что делает, он включил заднюю передачу и медленно нажал акселератор. Пронзительно взвизгнули шины, машину отбросило назад. Пикап лишь слегка задел его, чиркнул по бамперу и выскочил на встречную полосу, где в этот момент проезжала фура. Фура протащила пикап с сотню футов, затем помятый автомобиль затащило под колеса, а Кабрера думал: «Поэтому я всегда останавливаюсь, если вижу знак «стоп». Мало ли что там впереди?»

Тем временем его машина, ударившись о бордюр, остановилась. Он выключил двигатель, вышел и упал, потеряв сознание. Кто-то вызвал скорую. В газете написали, что у него сотрясение мозга, переломы ребер, руки и ноги. Но он не читал.

Книга вторая. Уравнение

Часть первая

Глава 1

На свете есть два вида полицейских – те, кто любит свою работу, и те, кто не любит. Я любил свою работу. Агент Чавез любил свою работу. И конечно, шеф Гарсиа любил расследовать и раскрывать преступления. А вот его лучший детектив – наоборот. По иронии судьбы это дело попало именно к нему. И как он ни старался отвертеться, ничего не вышло – его не отпускало, как гончую не отпускает запах добычи, когда охота уже окончена. Это расследование превратилось для него в очередную навязчивую идею.

Итак, 17 марта 1977 года в полицию поступил звонок о происшествии. Винсенте Ранхель Гонсалес, тридцати лет, уроженец Паракуана, проживающий в доме у реки, бывший музыкант, а теперь полицейский, получил приказ выехать на место. Из шести лет, что он прослужил в полиции, последние четыре он собирался уходить. Но всякий раз, стоило ему заикнуться, что уходит, появлялось какое-нибудь сложное и увлекательное задание, из-за которого снова откладывал свой уход на потом.

В тот день Чикоте – диспетчер, охранник, мойщик машин и мальчик на побегушках у всего отдела – передал ему телефонную трубку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.